

Массовая стачка, политическая партия и профсоюзы

Роза Люксембург

1906

Современный пролетариат не ведёт свою борьбу по заранее составленному плану, изложенному в какой-либо книге или теории; современная рабочая борьба — часть истории, часть социального прогресса, и в самом центре истории, в самом центре прогресса, в самом центре борьбы мы учимся, как нам бороться.

Роза Люксембург

Перевод книги *The Mass Strike, the Political Party and the Trade Unions*, написанной Розой Люксембург (Rosa Luxemburg), выполнен организацией **Красный Революционный Фронт** в рамках проекта **Библиотека Революционера**. Оригинальный текст использован с сайта Marxists.org и представлен в онлайн-версии как часть Rosa Luxemburg Internet Archive (1999).

Исходные данные издания:

Written and first published: 1906

Publisher: Marxist Educational Society of Detroit, 1925

Перевод на английский язык: Patrick Lavin (slightly modified – Jan. 2022)

Транскрипция и вёрстка: A. Lehrer для Rosa Luxemburg Internet Archive

Онлайн-версия: Rosa Luxemburg Internet Archive (marxists.org), 1999

Перевод осуществлён с английского языка и предназначен для бесплатного, некоммерческого распространения с целью расширения доступа к революционной и марксистской литературе среди русскоязычных читателей. Организация **Красный Революционный Фронт** стремится сделать важнейшие тексты социалистической мысли доступными широкой публике. Настоящая работа Розы Люксембург, одной из самых принципиальных и острых критиков капитализма и борцов за права трудящихся, сохраняет свою актуальность и сегодня, вдохновляя новые поколения на коллективную борьбу за свободу, справедливость и солидарность.

Мы выражаем признательность коллективу **Rosa Luxemburg Internet Archive(Marxists.org)** за сохранение и распространение трудов революционных мыслителей. Все права на оригинальные материалы принадлежат их авторам и/или издателям. Перевод выполнен с уважением к историческому и идеологическому наследию, исключительно в образовательных и просветительских целях.

Русская революция, анархизм и всеобщая забастовка
Массовая забастовка — исторический, а не искусственный продукт
Развитие массового забастовочного движения в России
Взаимодействие политической и экономической борьбы
Сотрудничество организованных и неорганизованных работников необходимо для победы
Роль массовой забастовки в революции
Необходимость Единого Действия Профсоюзов и Социал-демократии

Красный Революционный Фронт
Библиотека Революционера

t.me/kommunisty

marxists.org

Русская революция, анархизм и всеобщая забастовка

Почти все работы и высказывания международного социализма по вопросу о массовой забастовке относятся к периоду до Русской революции [1905 года], первого исторического опыта широкого применения этого средства борьбы. Поэтому совершенно очевидно, что они в значительной мере устарели. Их точка зрения по существу совпадает с позицией Энгельса, который в 1873 году писал следующее в своей критике революционных авантюр бакунинистов в Испании:

«Всеобщая забастовка, согласно программе бакунинистов, — это рычаг, с помощью которого должна быть введена социальная революция. В один прекрасный день все рабочие во всех отраслях страны, а может быть, и во всех странах, прекратят работу и тем самым заставят господствующий класс либо сдаться примерно через четыре недели, либо напасть на рабочих, чтобы последние получили право на самооборону и смогли воспользоваться моментом для свержения старого общества. Это предложение отнюдь не ново: французские и бельгийские социалисты постоянно выдвигали его начиная с 1848 года, хотя на самом деле оно имеет английское происхождение. Во время стремительного и мощного развития чартизма среди английских рабочих после кризиса 1837 года «священный месяц» — приостановка работы в масштабах всей страны — проповедовался уже в 1839 году и был встречен с таким одобрением, что в июле 1842 года фабричные рабочие севера Англии попытались осуществить его на деле. И на конгрессе альянсистов в Женеве 1 сентября 1873 года всеобщая забастовка играла большую роль, однако все участники признавали, что для её осуществления необходима безупречная организация рабочего класса и полный военный фонд. А в этом и заключается суть вопроса. С одной стороны, правительства, особенно если их подбадривает отказ рабочих от политической борьбы, никогда не позволят рабочим накопить достаточно большие средства; с другой — политические события и посягательства господствующего класса приведут к освобождению рабочих задолго до того, как пролетариат сумеет создать эту идеальную организацию и накопить этот колоссальный резервный фонд. Но если бы они и имели всё это, им не пришлось бы прибегать к обходному пути всеобщей забастовки для достижения своей цели»

Русская революция, анархизм и всеобщая забастовка

Здесь мы имеем рассуждение, которое было характерно для отношения международной социал-демократии к массовой забастовке в последующие десятилетия. Оно основано на анархистской теории всеобщей забастовки — то есть на представлении о всеобщей забастовке как о средстве начала социальной революции, в противоположность повседневной политической борьбе рабочего класса, — и сводится к следующей простой дилемме: либо пролетариат в целом ещё не располагает достаточно мощной организацией и финансовыми ресурсами, необходимых для осуществления всеобщей забастовки, и тогда он не может её провести; либо он уже достаточно хорошо организован, и тогда ему нет нужды в этой забастовке.

Это рассуждение столь просто и на первый взгляд столь неоспоримо, что в течение четверти века оно служило отличным оружием современного рабочего движения — как логическое средство борьбы против анархистского фантома и как способ донести идею политической борьбы до самых широких слоёв рабочих. Огромные шаги, которые сделал рабочий движение во всех капиталистических странах за последние двадцать пять лет, являются самым убедительным доказательством ценности тактики политической борьбы, на которой настаивали Маркс и Энгельс в противоположность бакунизму. И германская социал-демократия, находящаяся в положении авангарда всего международного рабочего движения, является в высшей степени непосредственным продуктом именно последовательного и энергичного применения этой тактики.

Русская революция [1905 года] произвела теперь радикальный пересмотр приведённого выше рассуждения. Впервые в истории классовой борьбы она дала грандиозное осуществление идеи массовой забастовки и — как мы увидим далее — даже довела до зрелости всеобщую забастовку, тем самым открыв новую эпоху в развитии рабочего движения.

Из этого, разумеется, вовсе не следует, что тактика политической борьбы, которую рекомендовали Маркс и Энгельс, была ложной или что их критика анархизма была неверной. Напротив, именно та же последовательность идей, тот же метод — тактика Маркса и Энгельса, — которая лежала в основе прежней практики германской социал-демократии, теперь в условиях Русской революции порождает новые факторы и новые условия в классовой борьбе.

Русская революция, анархизм и всеобщая забастовка

Русская революция, являющаяся первым историческим опытом классовой забастовки, не только не оправдывает анархизм, но, напротив, означает его историческую ликвидацию. Жалкое существование, на которое эта идейная тенденция была обречена в последние десятилетия могучим развитием социал-демократии в Германии, может быть в известной мере объяснено исключительным господством и длительным господством парламентского периода. Тенденция, целиком построенная на «первом ударе» и «прямом действии», тенденция «революционная» в самом грубом, вилы-в-руки смысле, может лишь временно прозябать в тишине парламентских будней, но с возвращением периода непосредственной открытой борьбы способна ожить вновь и развернуть свою внутреннюю силу.

Россия, в особенности, казалась превращённой в опытное поле для героических подвигов анархизма. Страна, где пролетариат был лишён всяких политических прав, где его организации были крайне слабы, страна — пёстрая мозаика различных социальных слоёв, хаос противоречивых интересов, низкий уровень образования у народных масс, крайняя жестокость в применении насилия со стороны правящего режима, — всё это словно было создано, чтобы вознести анархизм к внезапному, пусть и кратковременному, могуществу. И, наконец, именно Россия была исторической родиной анархизма. Но отечество Бакунина оказалось могилой его учения.

Не только в прошлом, но и в настоящем анархисты в России не стоят во главе движения массовых стачек; не только всё политическое руководство революционной борьбой и массовыми забастовками сосредоточено в руках социал-демократических организаций, которых российские анархисты с ожесточением клеймят как «буржуазные партии», — либо в руках тех социалистических группировок, которые в большей или меньшей мере находятся под влиянием социал-демократии и тяготеют к ней, как, например, террористическая партия «социалистов-революционеров». Анархисты же попросту не существуют как серьёзное политическое течение в русской революции.

Русская революция, анархизм и всеобщая забастовка

Лишь в одном маленьком литовском городке, в особенно тяжёлых условиях — в переплетении самых разных национальностей среди рабочих, при крайне раздробленной мелкой промышленности, при жесточайшем угнетении пролетариата, — в Белостоке, среди семи-восьми революционных группировок можно найти горстку полувзрослых «анархистов», которые изо всех сил стараются посеять среди рабочих смятение и неразбериху. И, наконец, в Москве и, быть может, в двух-трёх других городах можно заметить ещё несколько фигур этого же пошиба.

Но если откинуть эти несколько «революционных» групп, какова же реальная роль анархизма в русской революции? Он превратился в символ обычного вора и грабителя; большая часть бесчисленных краж и актов грабежа частных лиц совершается под именем «анархистского коммунизма» — деяния, которые, как взволнованная волна, поднимаются против революции в каждый период упадка и в каждый период временной обороны.

Анархизм в русской революции стал не теорией борющегося пролетариата, а идеологическим щитом контрреволюционного люмпен-пролетариата, который, подобно стае акул, кружит по следу броненосца революции. И вместе с этим историческая карьера анархизма почти что завершена.

С другой стороны, массовая забастовка в России реализовалась не как средство уклонения от политической борьбы рабочего класса, и особенно от парламентской борьбы, не как способ внезапного прыжка в социальную революцию при помощи театрального переворота, а как средство, прежде всего, создания для пролетариата условий для повседневной политической борьбы и, в особенности, парламентской деятельности.

Революционная борьба в России, где массовые забастовки являются самым важным оружием, ведётся рабочими, и прежде всего пролетариатом, за те политические права и условия, необходимость и значимость которых в борьбе за освобождение рабочего класса Маркс и Энгельс впервые указали, и против анархизма отстаивали с полной энергией в рамках Интернационала.

Русская революция, анархизм и всеобщая забастовка

Так историческая диалектика, та скала, на которой покоится всё учение марксизма, привела к тому, что сегодня анархизм, с которым идея массовой забастовки неразрывно связана, сам оказался противником массовой забастовки, рассматривавшейся как противоположность политической активности пролетариата, а теперь предстаёт как самое мощное оружие в борьбе за политические права.

Если же Русская революция делает необходимым фундаментальный пересмотр старой позиции марксизма по вопросу о массовой забастовке, то вновь именно марксизм, своим общим методом и взглядами, в новой форме забирает приз. Любимая возлюбленная мавра может умереть только от руки самого мавра

Массовая забастовка — исторический, а не искусственный продукт

Первый пересмотр вопроса о массовой забастовке, вызванный опытом России, касается общей концепции проблемы. До настоящего времени ревностные сторонники «эксперимента с массовой забастовкой» в Германии, представители типа Берштейна, Эйзнера и им подобных, а также самые решительные противники такого эксперимента, например, в профсоюзном лагере, вроде Бомбельбурга, в конечном счёте стоят на одной и той же концепции — концепции анархистской. На первый взгляд эти позиции кажутся диаметрально противоположными, но на деле они не исключают друг друга; как всегда, они взаимно обуславливают и одновременно дополняют друг друга.

Потому что анархистский способ мышления — это прямая спекуляция на «великом Кладдерадаче», на социальной революции лишь как на внешней и второстепенной характеристике. По его мнению, сущностным является лишь целостный абстрактный, лишённый исторического содержания взгляд на массовую забастовку и вообще на все условия борьбы пролетариата.

Для анархиста существует лишь два основания его «революционных» спекуляций — во-первых, воображение, и во-вторых, доброжелательность и смелость спасти человечество от существующей капиталистической долины слёз. Этот вычурный способ рассуждения шестьдесят лет назад приводил к выводу, что массовая забастовка — самый короткий, надёжный и лёгкий путь к лучшему социальному будущему. Недавний вариант такого же мышления привёл к заключению, что профсоюзная борьба — единственная настоящая «прямая акция масс» и единственная настоящая революционная борьба, что, как известно, является последним изобретением французских и итальянских «синдикалистов».

Массовая забастовка — исторический, а не искусственный продукт

Фатальным для анархизма всегда было то, что методы борьбы, придуманные в воздухе, оказывались не просто расчётом без учёта действительности — то есть чисто утопическими — но и тем, что, не считаясь ни в малейшей степени с презируемой зловещей реальностью, они неожиданно становились в этой самой злой реальности практической помощью реакции, тогда как прежде они были лишь, большей частью, революционными умозрениями.

На той же почве абстрактных, лишённых исторического содержания методов наблюдения стоят сегодня те, кто, подобно совету директоров, хотел бы назначить массовую забастовку в Германии на определённый день, и те, кто, как участники профсоюзного конгресса в Кёльне, стремится запретом «пропаганды» устранить проблему массовой забастовки с лица земли.

Обе эти тенденции исходят из общего, чисто анархистского предположения, что массовая забастовка — это чисто техническое средство борьбы, которое можно «решить» по своему усмотрению и строго по совести, или «запретить» — некий карманный нож, который можно держать в кармане «готовым к любому случаю» и по решению расстегнуть и использовать.

Противники массовой забастовки действительно претендуют на заслугу того, что учитывают историческую основу и материальные условия современности в Германии в противовес «революционным романтикам», которые витали в облаках и ни в одном месте не считались с суровой реальностью и с возможностями и невозможностями. «Факты и цифры; цифры и факты!» — восклицают они, как мистер Грэдграинд в **«Тяжёлых временах»** Диккенса.

То, что профсоюзный противник массовой забастовки понимает под «исторической основой» и «материальными условиями», сводится к двум вещам: с одной стороны, к слабости пролетариата, с другой — к могуществу прусско-германского милитаризма. Недостаточная организация рабочих и внушительная прусская штыковая сила — вот те факты и цифры, на которых эти профсоюзные лидеры строят свою практическую политику в конкретном случае.

Разумеется, профсоюзная касса и прусский штык — это материальные и очень исторические явления, но концепция, основанная на них, вовсе не исторический материализм в марксовском смысле, а полицейский материализм в духе

Массовая забастовка — исторический, а не искусственный продукт

Путкаммера. Представители капиталистического полицейского государства рассчитывают, и даже исключительно, на случайную реальную силу организованного пролетариата и на материальную мощь штыка; и исходя из сравнительного примера этих двух рядов цифр всегда делают утешительный вывод: что революционное рабочее движение создаётся отдельными демагогами и агитаторами; а значит, в тюрьмах и штыках есть достаточное средство для подавления неприятных «проходящих явлений»

Классово сознательные немецкие рабочие наконец-то поняли всю иронию полицейской теории, согласно которой все современное рабочее движение является искусственным, произвольным продуктом горстки беспринципных «демагогов и агитаторов».

Именно та же концепция проявляется, когда два-три достойных товарища объединяются в добровольный отряд ночных сторожей, чтобы предостеречь немецкий рабочий класс от опасной агитации нескольких «революционных романтиков» и их «пропаганды массовой забастовки»; или, с другой стороны, когда шумная кампания возмущения раздувается теми, кто, посредством «конфиденциальных» соглашений между руководством партии и генеральной комиссией профсоюзов, полагает, что сможет предотвратить вспышку массовой забастовки в Германии.

Если бы всё зависело от зажигательной «пропаганды» революционных романтиков или от конфиденциальных или публичных решений партийного руководства, то в России до сих пор не было бы ни одной серьёзной массовой забастовки. Ни в одной стране мира — как я отмечала ещё в марте 1905 года в *Sächsische Arbeiterzeitung* — массовая забастовка не была так мало «пропагандирована» и даже «обсуждена», как в России. А единичные примеры решений и соглашений русского партийного руководства, которые действительно стремились провозгласить массовую забастовку по собственной инициативе — как, например, последняя попытка в августе этого года после роспуска Думы — почти не имеют никакой ценности.

Массовая забастовка — исторический, а не искусственный продукт

Если же Русская революция чему-либо нас учит, то прежде всего тому, что массовая забастовка не «создаётся» искусственно, не «назначается» случайно и не «пропагандируется», а является историческим явлением, которое в данный момент вытекает из социальных условий с исторической неизбежностью.

Следовательно, вопрос о массовой забастовке нельзя понять и обсуждать абстрактными спекуляциями о её возможности или невозможности, о её пользе или вреде. Его можно осмыслить только через изучение тех факторов и социальных условий, из которых массовая забастовка возникает на данном этапе классовой борьбы — другими словами, не через субъективную критику массовой забастовки с позиции того, что желаемо, а исключительно через объективное исследование её корней с точки зрения того, что исторически неизбежно.

В нереальной сфере абстрактного логического анализа можно с одинаковой убедительностью доказать с любой стороны как то, что массовая забастовка абсолютно невозможна и обречена на поражение, так и то, что она возможна и её триумф не вызывает сомнений. И поэтому ценность приводимых с каждой стороны доказательств совершенно одинакова — а именно, ничтожна.

Следовательно, страх перед «пропагандой» массовой забастовки, который доходил даже до формальных анафем в отношении лиц, якобы виновных в этом «преступлении», есть лишь продукт нелепой путаницы людей. Так же невозможно «пропагандировать» массовую забастовку как абстрактное средство борьбы, как и «революцию». «Революция», подобно «массовой забастовке», означает лишь внешнюю форму классовой борьбы, которая может иметь смысл и значение только в связи с определёнными политическими обстоятельствами.

Если бы кто-нибудь взялся сделать массовую забастовку вообще, как форму пролетарского действия, предметом методической агитации, ходил бы по домам, уговаривая рабочих постепенно «принять» эту идею, — это было бы столь же пустым, бесплодным и нелепым занятием, как если бы он поставил целью особой агитации саму идею революции или же баррикадного боя. Массовая забастовка стала ныне в центре живейшего интереса германского и международного рабочего класса потому, что она есть новая форма борьбы, а значит — верный признак глубокой внутренней революции в отношениях классов и в условиях самой классовой борьбы. Это свидетельство здорового революционного инстинкта и быстрой восприимчивости масс германского пролетариата: вопреки

Массовая забастовка — исторический, а не искусственный продукт

упорному сопротивлению своих профсоюзных вождей, они с таким живым интересом обращаются к этой новой проблеме.

Но в условиях наличия этого интереса и этой тонкой интеллектуальной жажды и стремления к революционным деяниям со стороны рабочих не следует заниматься с ними абстрактной умственной гимнастикой по поводу возможности или невозможности массовой забастовки; их следует просвещать о развитии русской революции, о международном значении этой революции, об обострении классовых противоречий в Западной Европе, о более широких политических перспективах классовой борьбы в Германии, о роли и задачах масс в предстоящих борьбах. Только в такой форме дискуссия о массовой забастовке приведет к расширению интеллектуального горизонта пролетариата, к обострению его мышления и закаливанию его энергии.

Однако с этой точки зрения уголовное преследование, которого добиваются враги «революционного романтизма», выглядит совершенно абсурдным, поскольку при рассмотрении этой проблемы не соблюдается строгость текста Йенской резолюции. «Практические политики» соглашались с этой резолюцией, если это необходимо, потому что они связывают массовую забастовку главным образом с судьбой всеобщего избирательного права, из чего следует, что они могут верить в две вещи: во-первых, что массовая забастовка носит чисто оборонительный характер, и, во-вторых, что массовая забастовка даже подчиняется парламентаризму, то есть превратилась в простой придаток парламентаризма. Но реальное ядро резолюции Йены в этом отношении заключается в том, что в нынешнем положении Германии попытка со стороны господствующей реакции на парламентских выборах, по всей вероятности, станет моментом для введения и сигналом к началу периода бурных политических борьбы, в которой массовая забастовка как средство борьбы в Германии вполне может быть использована впервые.

Но пытаться сузить и искусственно задуть социальную значимость и ограничить исторический масштаб массовой забастовки как явления и как проблемы классовой борьбы с помощью формулировки резолюции съезда — это предприятие, которое по своей близорукости можно сравнить разве что с вето на обсуждение профсоюзного съезда в Кельне. В резолюции Йенского съезда немецкая социал-демократия официально отметила коренные изменения,

Массовая забастовка — исторический, а не искусственный продукт

которые русская революция [1905 года] произвела в международных условиях пролетарской классовой борьбы, и заявила о своей способности к революционному развитию и силе адаптации к новым требованиям грядущего этапа классовой борьбы. В этом заключается значение Йенской резолюции.

Что же касается мирного применения массовой забастовки в Германии, то об этом решит история, как она решила в России — история, в которой немецкая социал-демократия с ее решениями, правда, является важным фактором, но в то же время лишь одним из многих.

Развитие массового забастовочного движения в России

Массовая забастовка, как она в основном представлена в дискуссии в Германии, является очень четким и просто продуманным, резко очерченным изолированным явлением. Речь идет исключительно о политической массовой забастовке. Под ней понимается единое грандиозное восстание промышленного пролетариата, вызванное каким-то политическим мотивом высшей важности, предпринятое на основе своевременного и взаимного понимания со стороны руководящих органов новой партии и профсоюзов, проведенное в духе партийной дисциплины и в идеальном порядке, а еще более идеальном порядке доведенное до руководящих комитетов в виде сигнала, данного в нужное время, которыми комитетами регулируются поддержка, затраты, жертвы — одним словом, весь материальный баланс массовой забастовки — точно определяются заранее.

Теперь, когда мы сравниваем эту теоретическую схему с реальной массовой забастовкой, как она проявилась в России пять лет назад, мы вынуждены сказать, что эта модель, занимающая центральное место в немецкой дискуссии, едва ли соответствует хотя бы одной из многочисленных массовых забастовок, которые имели место, и, с другой стороны, что массовая забастовка в России проявляет такое многообразие самых разнообразных форм действий, что совершенно невозможно говорить о «массовой забастовке», об абстрактной схематической массовой забастовке. Все факторы массовой забастовки, а также ее характер не только различаются в разных городах и районах страны, но и ее общий характер часто менялся в ходе революции. Массовая забастовка прошла определенную историю в России и продолжает ее проходить. Поэтому тот, кто говорит о массовой забастовке в России, должен прежде всего иметь в виду ее историю.

Нынешний официальный период, так сказать, русской революции справедливо датируется восстанием пролетариата 22 января 1905 года, когда демонстрация 200 000 рабочих закончилась ужасной кровавой бойней перед царским дворцом. Кровавая расправа в Санкт-Петербурге, как хорошо известно, стала сигналом к началу первой гигантской серии массовых забастовок, которые за несколько дней

распространились по всей России и понесли призыв к революционным действиям из Санкт-Петербурга во все уголки империи и среди самых широких слоев пролетариата. Но восстание в Санкт-Петербурге 22 января было лишь кульминационным моментом массовой забастовки, которую пролетариат царской столицы начал еще в январе 1905 года. Январская массовая забастовка, без сомнения, была проведена под непосредственным влиянием гигантской всеобщей забастовки, которая в декабре 1904 года вспыхнула на Кавказе, в Баку, и долгое время держала всю Россию в напряжении. Декабрьские события в Баку были, со своей стороны, лишь последним и мощным проявлением тех грандиозных массовых забастовок, которые, как периодические землетрясения, сотрясали всю южную Россию и прологом к которым стала массовая забастовка в Батуми на Кавказе в марте 1902 года.

Это первое массовое забастовочное движение в непрерывной цепи нынешних революционных взрывов отделено, наконец, пятью или шестью годами от великой всеобщей стачки ткачей в Петербурге в 1896 и 1897 годах. И хотя это движение, на первый взгляд, отделено от нынешней революции несколькими годами кажущегося застоя и сильной реакции, каждый, кто знает внутреннее политическое развитие русского пролетариата до его нынешней ступени классового сознания и революционной энергии, поймёт, что история нынешнего периода массовых борьб начинается именно с тех петербургских стачек. Поэтому они имеют столь важное значение для проблемы массовой забастовки: ведь в них уже содержались, в зародыше, все основные элементы последующих массовых стачек.

Опять-таки, всеобщая петербургская стачка 1896 года выступает как чисто экономическая, частичная борьба за заработок. Её причинами стали невыносимые условия труда прядильщиков и ткачей в Петербурге: рабочий день в тринадцать, четырнадцать, а то и пятнадцать часов, жалкие расценки на сдельную работу и целый ряд унижительных придинок со стороны хозяев. Рабочие, однако, долго терпели такое положение вещей, пока, наконец, одна на первый взгляд незначительная случайность не переполнила чашу терпения. В мае 1896 года отмечалась коронация нынешнего царя Николая II, два года откладывавшаяся из-за страха перед революционерами. Петербургские фабриканты проявили на сей раз особое «патриотическое рвение», дав рабочим

три дня обязательных праздников, и — примечательно — решили эти дни не оплачивать. Возмущённые рабочие начали подниматься. После собрания около трёхсот сознательных рабочих в Екатерингофском саду было решено объявить стачку, и были сформулированы следующие требования: во-первых, выплата заработка за дни коронационных праздников; во-вторых, введение десятичасового рабочего дня; в-третьих, повышение сдельных расценок. Это произошло 24 мая. Через неделю во всех прядильных и ткацких предприятиях работа остановилась, и 40 000 рабочих приняли участие во всеобщей стачке.

Сегодня, по сравнению с гигантскими массовыми стачками революции, это событие может показаться делом малым. Но в политической застойности России того времени всеобщая стачка была явлением неслыханным; это была настоящая маленькая революция. Разумеется, последовали самые жестокие репрессии: около тысячи рабочих было арестовано, и всеобщая стачка была подавлена.

Здесь уже проступают все основные черты последующих массовых стачек. Поводом для движения послужило событие случайное, даже малозначительное; само выступление носило стихийный характер. Но в его успехе ясно сказались плоды многолетней агитации социал-демократии, и именно её агитаторы во время всеобщей стачки встали во главе движения, направляли его и превратили в орудие революционной пропаганды. Далее, стачка внешне выглядела как чисто экономическая борьба за заработок, но позиция правительства и социал-демократическая агитация придали ей характер политического явления первостепенного значения.

И, наконец, стачка была подавлена; рабочие потерпели «поражение». Но уже в январе следующего года петербургские текстильщики вновь повторили всеобщую стачку и на этот раз добились поразительной победы: в России было легально введено одиннадцатичасовое рабочее время. И всё же куда важнее оказался другой результат: с первой всеобщей стачки 1896 года, предпринятой без всякой организации и без копейки стачного фонда, в самой России началась напряжённая профсоюзная борьба. Она из Петербурга распространилась на другие районы страны, открыла совершенно новые горизонты для социал-демократической агитации и организации и тем самым в условиях

кажущегося мёртвого покоя последующих лет незримо готовила революцию подземной работой.

Вспышка кавказской стачки в марте 1902 года была столь же случайна и вызвана столь же частными экономическими причинами (хотя и иного рода), как и забастовка 1896 года. Она была связана с тяжёлым промышленным и торговым кризисом, который в России предшествовал японской войне и вместе с ней стал мощнейшим фактором зарождающегося революционного брожения. Кризис породил громадную массу безработицы, что подпитывало агитацию среди рабочих масс. Поэтому правительство, стремясь восстановить спокойствие среди трудящихся, решило партиями отправлять «лишние руки» по домам, в их родные округа.

Одной из таких мер, которая должна была коснуться около четырёхсот нефтяных рабочих, вызвала в Батуми массовый протест. Это привело к демонстрациям, арестам, кровавой расправе и, наконец, к политическому процессу, в ходе которого чисто экономическое и частное дело внезапно превратилось в политическое и революционное событие.

Эхо этой, казалось бы, «бесплодной» и подавленной стачки в Батуми стало серией революционных рабочих демонстраций в Нижнем Новгороде, Саратове и других городах, и тем самым — мощным толчком вперёд всей общей волны революционного движения.

Уже в ноябре 1902 года раздалось первое подлинно революционное эхо — в форме всеобщей забастовки в Ростове-на-Дону. Толчком к этому движению послужили споры о расценках в мастерских Владикавказской железной дороги.

Администрация попыталась снизить заработки, и тогда Донский комитет социал-демократии выпустил воззвание с призывом к стачке и с такими требованиями: девятичасовой рабочий день, повышение зарплаты, отмена штрафов, увольнение ненавистных инженеров и прочее.

В стачку вступили все железнодорожные мастерские. Вскоре к ним присоединились и все остальные отрасли, и вдруг в Ростове возникло невиданное прежде положение: вся промышленная жизнь остановилась, а ежедневно под открытым небом собирались гигантские митинги в пятнадцать — двадцать тысяч

человек. Иногда они проходили в кольце казачьих кордонов, и именно здесь впервые публично выступили социал-демократические народные ораторы. Здесь произносились зажигательные речи о социализме и политической свободе, распространялись десятки тысяч революционных листовок — и всё это встречалось с восторженным откликом масс.

В самой сердцевине закоряченного абсолютизма пролетариат Ростова впервые штурмом завоевал себе право собраний и свободу слова. Разумеется, и здесь не обошлось без кровавой расправы. Споры о зарплате во Владикавказских мастерских всего за несколько дней выросли во всеобщую политическую стачку и в революционные уличные бои. Этому сразу же откликнулась всеобщая забастовка на станции Тихорецкая той же железной дороги. И здесь была резня, и здесь был суд, — и таким образом даже Тихорецкая вплелась в неразрывную цепь факторов революции.

Весна 1903 года стала ответом на подавленные стачки в Ростове и Тихорецкой: в мае, июне и июле вся Южная Россия пылала огнём. Баку, Тифлис, Батум, Елизаветград, Одесса, Киев, Николаев и Екатеринослав были охвачены всеобщей стачкой в буквальном смысле этих слов. Но и здесь движение не возникло из какого-либо заранее составленного плана, оно сливалось воедино из отдельных очагов, и каждый из них имел свои причины и свою форму. Начало было положено в Баку, где несколько частичных экономических столкновений на отдельных фабриках и предприятиях вылились в общую стачку. В Тифлисе стачку начали две тысячи конторских служащих, чей рабочий день длился с шести утра до одиннадцати вечера. 4 июля они все покинули свои лавки и обошли город, требуя от хозяев закрыть торговые заведения. Победа была полной: служащим установили рабочий день с восьми утра до восьми вечера, и немедленно к ним примкнули все фабрики, мастерские, конторы и учреждения. Газеты перестали выходить, а движение трамваев могло поддерживаться лишь под военной охраной.

В Елизаветграде 4 июля стачка началась на всех фабриках с чисто экономическими требованиями. Большая часть их была удовлетворена, и 14 числа стачка прекратилась. Однако спустя две недели она вспыхнула снова. На этот раз

слово дали пекари, за ними выступили каменщики, столяры, красильщики, мельники — и, наконец, все фабричные рабочие.

В Одессе движение началось с борьбы за повышение заработной платы, в ходе которой разросся «законный» рабочий союз, основанный правительственными агентами по программе знаменитого жандарма Зубатова. Историческая диалектика снова ухватила случай, чтобы сыграть одну из своих злых насмешек. Экономическая борьба более раннего периода (среди них и великая петербургская всеобщая стачка 1896 года) ввела русскую социал-демократию в заблуждение, заставив её преувеличить значение так называемой «экономики», и этим самым подготовила почву среди рабочих для демагогических манёвров Зубатова. Однако спустя некоторое время мощный революционный поток развернул маленький корабль под ложным флагом и принудил его идти во главе всего революционного пролетарского флота. Зубатовские союзы дали сигнал к великой всеобщей стачке в Одессе весной 1904 года, как и к петербургской всеобщей стачке в январе 1905-го. Рабочие Одессы, которых не могло обмануть показное «доброжелательство» правительства к рабочим и его мнимая симпатия к чисто экономическим забастовкам, внезапно потребовали доказательства на деле и вынудили зубатовский «рабочий союз» на фабрике объявить стачку с весьма умеренными требованиями. Их немедленно вышвырнули на улицу, и когда они обратились за защитой к властям, обещанной их вождём, господин тот испарился, оставив рабочих в состоянии величайшего волнения.

Социал-демократы немедленно поставили себя во главе движения, и волна стачек распространилась на другие фабрики. В первый день июля 2 500 dockers объявили забастовку, требуя повышения зарплаты с восьмидесяти копеек до двух рублей и сокращения рабочего дня на полчаса. На шестнадцатый день к движению присоединились моряки. На тринадцатый день забастовали работники трамвайного депо. Затем состоялось собрание всех бастующих — семь-восемь тысяч человек; они сформировали процессию, которая двигалась от фабрики к фабрике, растущая, как лавина, и вскоре толпа в сорок-пятьдесят тысяч человек устремилась к докам, чтобы полностью остановить там работу. Вскоре всеобщая стачка охватила весь город.

Развитие массового забастовочного движения в России

В Киеве стачка началась на железнодорожных мастерских 21 июля. И здесь непосредственной причиной были ужасные условия труда, и выдвигались требования о повышении заработной платы. На следующий день подхватили пример литейщики. 23 июля произошёл инцидент, который дал сигнал к общей забастовке. Ночью были арестованы два делегата железнодорожников. Сразу же стачечники потребовали их освобождения, а когда им было отказано, они решили не допустить отправления поездов из города. На станции все стачечники со своими женами и семьями сели на железнодорожные пути — море человеческих тел. Им грозили ружейными залпами. Рабочие обнажили грудь и закричали: «Стреляйте!» В беззащитную сидящую толпу был открыт огонь, и на земле остались тридцать-сорок трупов, среди них женщины и дети.

Узнав об этом, весь город Киев в тот же день поднялся на стачку. Тела убитых рабочих были подняты толпой на руки и пронесены в массовой демонстрации. Собрания, речи, аресты, отдельные уличные столкновения — Киев оказался в самой гуще революции. Движение вскоре закончилось. Но печатники добились сокращения рабочего дня на один час и повышения зарплаты на один рубль; на дрожжевой фабрике был введён восьмичасовой рабочий день; железнодорожные мастерские были закрыты по приказу министерства; другие предприятия продолжали частичные забастовки за свои требования.

В Николаеве всеобщая стачка вспыхнула под непосредственным влиянием известий из Одессы, Баку, Батума и Тифлиса, несмотря на сопротивление комитета социал-демократов, который хотел отложить начало движения до тех пор, пока военные не покинут город на манёвры. Массы отказались сдерживаться; одна фабрика положила начало, стачки перекинулись с одной мастерской на другую, а сопротивление военных лишь подливало масло в огонь. Формировались массовые шествия с революционными песнями, в которых участвовали все рабочие, служащие, работники трамвая, мужчины и женщины. Прекращение работы было полным. В Екатеринославе пекари вышли на стачку 5 августа, 7 числа к ним присоединились мужчины железнодорожных мастерских, а затем все остальные фабрики 8 августа. Движение трамваев прекратилось, газеты не выходили.

Так родилась колоссальная всеобщая стачка на юге России летом 1903 года. По множеству маленьких каналов частичных экономических борб и «случайных» событий она быстро разлилась в бушующее море и на несколько недель превратила весь юг царской империи в причудливую революционную рабочую республику. «Братские объятия, крики восторга и энтузиазма, песни свободы, весёлый смех, юмор и радость — всё это виднелось и слышалось в толпе из многих тысяч человек, которая текла по городу с утра до вечера. Настроение было приподнятое; казалось, что на земле начинается новая, лучшая жизнь. Самое торжественное и вместе с тем идиллическое, трогательное зрелище»... Так писал тогда корреспондент либеральной «Освобождение» Пётр Струве.

1904 год принес с собой войну, и вместе с ней — временное затишье в движении массовой забастовки. Сначала по стране прокатилась тревожная волна «патриотических» демонстраций, устроенных по указке полицейских властей. «Либеральное» буржуазное общество было на время сокрушено царистским официальным шовинизмом. Но вскоре социал-демократы вновь овладели ареной; революционным рабочим демонстрациям были противопоставлены выступления патриотического люмпен-пролетариата, организованные под полицейским покровительством. В конце концов, позорные поражения царской армии пробудили либеральное общество от летаргии; началась эра демократических съездов, банкетов, речей, воззваний и манифестов. Абсолютизм, временно отступивший под гнётом позора войны, дал этим господам полную свободу, и понемногу они начали видеть всё в розовом свете. В течение шести месяцев буржуазный либерализм занимал центр сцены, а пролетариат оставался в тени. Но после долгого уныния абсолютизм вновь воспрял, камарилья собрала все свои силы, и одним мощным ударом казачьего сапога всё либеральное движение было загнано в угол. Банкеты, речи и съезды были безапелляционно запрещены как «нетерпимая дерзость», и либерализм внезапно оказался у последней черты.

Но именно в тот момент, когда либерализм исчерпал себя, началось действие пролетариата. В декабре 1904 года в Баку вспыхнула великая всеобщая забастовка, вызванная безработицей; рабочий класс вновь вышел на поле битвы. Когда слово было запрещено и сделано невозможным, началось действие. В Баку, на протяжении нескольких недель всеобщей забастовки, социал-демократы

Развитие массового забастовочного движения в России

властвовали как полные хозяева положения; и своеобразные события декабря на Кавказе вызвали бы мгновенную сенсацию, если бы не были столь стремительно затенены поднимающейся волной революции. Фантастические, сумбурные вести о всеобщей забастовке в Баку ещё не достигли всех уголков царской империи, как в январе 1905 года вспыхнула массовая забастовка в Санкт-Петербурге.

Здесь, как хорошо известно, непосредственной причиной послужило тривиальное событие. Двое рабочих Путиловского завода были уволены из-за членства в легальном зубатовском профсоюзе. Эта мера вызвала 16 января солидарную забастовку всех 12 000 рабочих завода. Социал-демократы воспользовались забастовкой, чтобы начать активную агитацию за расширение требований и выдвинули требования о восьмичасовом рабочем дне, праве на объединение, свободе слова и печати и т. д. Недовольство среди рабочих Путилова быстро распространилось на остальную часть пролетариата, и через несколько дней 140 000 рабочих были в забастовке. Совместные конференции и бурные дискуссии привели к разработке пролетарской хартии буржуазных свобод, во главе которой стоял восьмичасовой рабочий день, с которой 22 января 200 000 рабочих во главе с отцом Гапоном прошли маршем к царскому дворцу. Конфликт двух рабочих Путилова, подвергшихся дисциплинарному наказанию, за неделю превратился в пролог к самой бурной революции в новейшей истории.

Следующие за этим события хорошо известны: кровавая бойня в Санкт-Петербурге вызвала гигантские массовые забастовки и всеобщую забастовку в январе и феврале во всех промышленных центрах и городах России, Польши, Литвы, Прибалтики, Кавказа, Сибири, с севера на юг и с востока на запад. Однако при более внимательном рассмотрении можно увидеть, что массовая забастовка проявлялась в иных формах, чем в предыдущий период. В то время повсюду социал-демократические организации выступали с призывами; повсюду революционная солидарность с петербургским пролетариатом явно провозглашалась причиной и целью всеобщей забастовки; повсюду одновременно проходили демонстрации, выступления, конфликты с военными.

Но даже здесь не было заранее определенного плана, организованных действий, потому что призывы партий едва поспевали за спонтанными восстаниями масс; лидеры едва успевали формулировать лозунги для несущейся толпы

пролетариата. Кроме того, более ранние массовые и всеобщие забастовки возникли из отдельных объединенных борьбы за повышение заработной платы, которые в общей обстановке революционной ситуации и под влиянием социал-демократической агитации быстро превратились в политические демонстрации; отправной точкой были экономический фактор и разрозненное состояние профсоюзного движения, а результатом — всеобъемлющие классовые действия и политическое руководство. Теперь движение пошло в обратную сторону.

Всеобщие забастовки января и февраля начались как единые революционные действия под руководством социал-демократов, но вскоре превратились в бесконечную череду локальных, частичных, экономических забастовок в отдельных районах, городах, департаментах и на фабриках. На протяжении всей весны 1905 года и до середины лета по всей огромной империи бурлила непрерывная экономическая забастовка почти всего пролетариата против капитала — борьба, которая охватила, с одной стороны, всех мелких буржуа и представителей свободных профессий, коммерческих служащих, техников, актеров и представителей художественных профессий, а с другой стороны, проникла в среду домашней прислуги, мелких полицейских чиновников и даже в слой люмпен пролетариата, одновременно распространившись из городов в сельские районы и даже постучавшись в железные ворота военных казарм.

Это гигантская, многоцветная картина общего расположения труда и капитала, которая отражает всю сложность социальной организации и политического сознания каждой группы и каждого района; и весь этот длинный спектр простирается от регулярной профсоюзной борьбы отборного и проверенного отряда пролетариата, набранного из крупной промышленности, до бесформенного протеста горстки сельских пролетариев и до первых слабых волнений в возбужденном военном гарнизоне, от хорошо образованного и элегантного бунта в манжетах и белых воротничках в канцелярии банка до робко-смелых шепотов на неуклюжем собрании недовольных полицейских в задымленной, темной и грязной караульной.

Согласно теории сторонников «упорядоченной и дисциплинированной» борьбы, согласно плану и схеме, согласно мнению тех, кто всегда должен знать лучше со стороны, «как следовало поступить», распад великой политической всеобщей забастовки января 1905 года на ряд экономических борьб был, вероятно, «большой ошибкой», которая парализовала эту акцию и превратила ее в «соломенный пожар». Но социал-демократия в России, которая участвовала в революции, но не «совершила» ее, и которая даже должна была учиться ее законам из самого ее хода, на первый взгляд была на время выведена из себя явно бесплодным отливом бурной волны всеобщей забастовки. Однако история, совершив эту «большую ошибку», тем самым, не обращая внимания на рассуждения своего назойливого учителя, выполнила гигантскую работу для революции, которая была столь же неизбежна, сколь и непредсказуема в своих последствиях.

Внезапное всеобщее восстание пролетариата в январе под мощным импульсом петербургских событий было внешне политическим актом революционного объявления войны абсолютизму. Но эта первая всеобщая прямая акция вызвала еще более мощную внутреннюю реакцию, поскольку она впервые пробудила классовое чувство и классовое сознание в миллионах и миллионах людей, словно электрический разряд. И это пробуждение классового чувства сразу же выразилось в том, что пролетарские массы, исчисляемые миллионами, совершенно внезапно и резко осознали, насколько невыносимо было то социально-экономическое существование, которое они терпеливо переносили десятилетиями в оковах капитализма. После этого началось спонтанное всеобщее сотрясение и дерганье этих оков. Все бесчисленные страдания современного пролетариата напоминали им о старых кровоточащих ранах. Здесь боролись за восьмичасовой рабочий день, там сопротивлялись сдельной оплате труда, здесь жестоких бригадиров «прогоняли» в мешке на тачке, в другом месте боролись с позорной системой штрафов, везде боролись за повышение заработной платы, а то и за отмену надомного труда. Отсталые, деградировавшие профессии в больших городах, маленьких провинциальных городках, которые до сих пор спали идиллическим сном, деревня с ее наследием феодализма — все это, внезапно пробужденное январской молнией, вспомнило о своих правах и теперь лихорадочно стремилось восполнить свое прежнее пренебрежение.

Здесь экономическая борьба не была на самом деле упадком, рассеиванием действий, а лишь сменой фронта, внезапным и естественным изменением первоначального общего столкновения с абсолютизмом в общей борьбе с капиталом, которая в соответствии со своим характером приняла форму индивидуальных, разрозненных заработных платных борьб. Политическая классовая борьба не была прервана в январе распадом всеобщей забастовки на экономические забастовки, а наоборот, после того как возможное содержание политической борьбы в данной ситуации и на данном этапе революции было исчерпано, она прервалась, или, вернее, превратилась в экономическую борьбу.

На самом деле, чего еще могла бы достичь всеобщая забастовка в январе? Только полная бездумность могла бы ожидать, что абсолютизм может быть уничтожен одним ударом, одной «затяжной» всеобщей забастовкой по анархистскому плану. Абсолютизм в России должен быть свергнут пролетариатом. Но для того, чтобы быть в состоянии его свергнуть, пролетариат нуждается в высокой степени политического образования, классового сознания и организации. Все эти условия не могут быть выполнены с помощью брошюр и листовок, а только живой политической школой, борьбой и в борьбе, в непрерывном ходе революции. Кроме того, абсолютизм не может быть свергнут в любой желаемый момент, когда необходимо только достаточное «усилия» и «выносливости». Падение абсолютизма — это лишь внешнее проявление внутреннего социального и классового развития Российского общества.

Прежде чем абсолютизм может быть свергнут, и насколько это возможно, необходимо сформировать буржуазную Россию внутри страны, с ее современным классом разделения. Это требует объединения различных социальных слоев и интересов, помимо образования пролетарских революционных партий, и не в меньшей степени либеральных, радикальных мелкобуржуазных, консервативных и реакционных партий; это требует самосознания, самопознания и классового сознания не только слоев народа, но и слоев буржуазии. Но это также может быть достигнуто и реализовано только в борьбе, в процессе самой революции, через школу опыта, в столкновении с пролетариатом, а также друг с другом, в непрекращающемся взаимном трении. Это классное разделение и классовая зрелость буржуазного общества, а также его действия в борьбе против абсолютизма, с одной стороны, затрудняются и осложняются своеобразной

ведущей ролью пролетариата, а с другой стороны, стимулируются и ускоряются. Различные подводные течения социального процесса революции пересекаются, сдерживают друг друга и усиливают внутренние противоречия революции, но в конечном итоге ускоряют и тем самым делают еще более бурными ее взрывы.

Эта, казалось бы, простая и чисто механическая проблема может быть сформулирована следующим образом: свержение абсолютизма — это длительный, непрерывный социальный процесс, и его решение требует полного подрыва основ общества; верхняя часть должна быть помещена вниз, а нижняя — вверх, видимый «порядок» должен быть заменен хаосом, а видимый «анархический» хаос — новым порядком. В этом процессе социальной трансформации старой России незаменимую роль сыграли не только январская молния первой всеобщей забастовки, но и последовавшие за ней весенние и летние грозы. Ожесточенные общие отношения между наемным трудом и капиталом в равной степени способствовали сближению различных слоев народа и буржуазии, формированию классового сознания революционного пролетариата и либеральной и консервативной буржуазии. И так же, как городская борьба за заработную плату способствовала формированию сильной монархической промышленной партии в Москве, так и вспышка насильственного сельского восстания в Ливонии привела к быстрой ликвидации знаменитого аристократическо-аграрного земского либерализма.

Но в то же время период экономических борьбы весны и лета 1905 года дал возможность городскому пролетариату, благодаря активной социал-демократической агитации и руководству, усвоить впоследствии все уроки январского пролога и ясно осознать все дальнейшие задачи революции. С этим было связано и другое обстоятельство, имевшее длительный социальный характер: общее повышение уровня жизни пролетариата — экономического, социального и интеллектуального.

Забастовки января 1905 года закончились победой почти повсеместно. В качестве доказательства этого можно привести некоторые данные из огромного и до сих пор в основном недоступного массива материалов, касающихся нескольких наиболее важных забастовок, проведенных только в Варшаве социал-демократами Польши и Литвы. На крупных заводах металлургической

промышленности Варшавы: Lilpos Ltd.; Ран и Ловенштейн; Рудзки и Ко; Борман, Шведе и Ко; Хандтке, Герлах и Пулст; Братство Гейслер; Эберхерд, Вольски и Ко; Конрад и Янушкевич Лтд.; Вебер и Даэху; Эвидзински и Ко; Волонски Уайр Уоркс; Гостынски и Ко, Лтд.; Ррун и Сын; Фраге Норблин; Вернер; Бух; Кеннеберг Брос; Лэйбор; Диттунар Ламп Фабрик; Серковски; Вешк — всего двадцать два завода, рабочие после забастовки, длившейся четыре-пять недель (с 24 по 26 января), добились девятичасового рабочего дня, 25-процентного повышения заработной платы и получили ряд других небольших уступок. В крупных цехах деревообрабатывающей промышленности Варшавы, а именно Karmanski, Damieki, Gromel, Szerbinskik, Twemerowski, Horn, Devensee, Tworkowski, Daab и Martens — всего двенадцать цехов — забастовки к 23 февраля добились девятичасового рабочего дня, который они также получили вместе с повышением заработной платы после еще одной забастовки, длившейся неделю.

27 февраля вся кирпичная промышленность объявила забастовку и, в соответствии с лозунгом социал-демократии, потребовала введения восьмичасового рабочего дня; 11 марта они добились десятичасового рабочего дня, а также повышения заработной платы для всех категорий работников, регулярной еженедельной выплаты заработной платы и т. д. Маляры, колесники, седельщики и кузнецы добились введения восьмичасового рабочего дня без снижения заработной платы.

Телефонные мастерские бастовали десять дней и добились восьмичасового рабочего дня и повышения заработной платы на 10–15 %. Крупное предприятие по производству льняных тканей Hiele and Dietrich (10 000 рабочих) после девятидневной забастовки добилось сокращения рабочего дня на один час и повышения заработной платы на 5–10 процентов. Аналогичные результаты с бесконечным множеством вариаций были достигнуты в старых отраслях промышленности в Варшаве, Лодзи и Сосновице.

Развитие массового забастовочного движения в России

В самой России восьмичасовой рабочий день был завоеван в декабре 1904 года несколькими категориями нефтяников в Баку; в мае 1905 года — работниками сахарных заводов Киевской губернии; в январе 1905 года — всеми типографиями в Самаре (где одновременно было добито повышение сдельной оплаты и отмена штрафов); в феврале — на заводе по производству медицинских инструментов для армии, на мебельном заводе и на патронном заводе в Санкт-Петербурге. Далее, восьмичасовой рабочий день был введен на шахтах во Владивостоке, в марте — в государственных механических мастерских, занимающихся государственным имуществом, и в мае — среди служащих Тифлисской электрической городской железной дороги. В том же месяце восьмичасовой рабочий день был введен на крупной хлопкоткацкой фабрике Маросова (одновременно с этим была добита отмена ночной работы и повышение заработной платы на 8 процентов); в июне восьмичасовой рабочий день был введен на нескольких нефтяных заводах в Санкт-Петербурге и Москве; в июле — восьмичасовой рабочий день среди кузнецов на Санкт-Петербургских верфях; в ноябре — во всех частных типографиях города Орла (одновременно с этим было достигнуто повышение почасовой оплаты на 20% и сдельной оплаты на 100%, а также создание примирительной комиссии, в которой рабочие и работодатели были представлены в равной степени).

Девятичасовой рабочий день во всех железнодорожных мастерских (в феврале), во многих государственных, военных и военно-морских мастерских, на большинстве заводов города Бердянска, во всех типографиях городов Полтавы и Мунска; девять с половиной часов на верфях, в механических мастерских и литейных цехах города Николаева, в июне, после всеобщей забастовки официантов в Варшаве, во многих ресторанах и кафе (и одновременно повышение заработной платы на 20–40 процентов с двухнедельным отпуском в году).

Десятичасовой рабочий день почти на всех фабриках городов Лодзь, Сосновиц, Рига, Ковно, Овале, Дорфате, Минске, Харькове, в пекарнях Одессы, среди механиков в Кишиневе, на нескольких металлургических заводах в Санкт-Петербурге, на спичечных фабриках Ковно (с повышением заработной платы на 10 процентов), во всех государственных морских мастерских и среди всех докеров.

Повышение заработной платы было, в целом, меньше, чем сокращение рабочего времени, но всегда более значительным: в середине марта 1905 года в Варшаве муниципальным департаментом по делам фабрик было установлено общее повышение заработной платы на 15 процентов; в центре текстильной промышленности, Иваново-Воснесенске, повышение заработной платы составило от 7 до 15 процентов, в Ковно повышение коснулось 73 процентов рабочих. Фиксированная минимальная заработная плата была введена в некоторых пекарнях Одессы, на Неварских судостроительных заводах в Санкт-Петербурге и т. д.

Само собой разумеется, что эти уступки были вновь отозваны, то здесь, то там. Однако это только вызвало новые конфликты и привело к еще более ожесточенной борьбе за месть, и таким образом период забастовок весны 1905 года сам по себе стал прологом к бесконечной череде все более расширяющихся и переплетающихся экономических конфликтов, которые продолжаются по сей день. В период внешней стагнации революции, когда телеграф не передавал сенсационных новостей с российского театра военных действий во внешний мир, и когда западноевропейцы с разочарованием откладывали газеты, в которых говорилось, что в России «ничего не происходит», великая подпольная работа революции на самом деле продолжалась без перерыва, день за днем и час за часом, в самом сердце империи. Непрерывная интенсивная экономическая борьба привела к быстрому и сокращенному переходу капитализма от стадии первоначального накопления, патриархальных бессистемных методов работы, к высокосовременной, цивилизованной стадии.

В настоящее время фактический рабочий день в российской промышленности отстает не только от российского заводского законодательства (то есть от установленного законом рабочего дня продолжительностью одиннадцать часов), но даже от фактических условий в Германии. В большинстве отраслей крупной промышленности в России преобладает десятичасовой рабочий день, который в Германии объявлен в социальном законодательстве недостижимой целью. Более того, тот желанный «промышленный конституционализм», который вызывает такой энтузиазм в Германии и ради которого сторонники оппортунистической тактики готовы вечно подгонять ветер из застоявшихся вод своего всестрадального парламентаризма, уже родился, вместе с политическим

«конституционализмом», в разгаре революционной бури, из самой революции! На самом деле произошло не просто общее повышение уровня жизни или культурного уровня рабочего класса. Материальный уровень жизни как постоянная стадия благосостояния не имеет места в революции. Полная противоречий и контрастов, она приносит одновременно удивительные экономические победы и самые жестокие акты мести со стороны капиталистов; сегодня восьмичасовой рабочий день, а завтра массовые локауты и настоящий голод для миллионов.

Самым ценным и долговечным в быстром приливе и отливе волны является ее ментальный осадок: интеллектуальный и культурный рост пролетариата, который проходит с перебоями и рывками и который дает нерушимую гарантию их дальнейшего непреодолимого прогресса как в экономической, так и в политической борьбе. И не только это. Даже отношения рабочего к работодателю изменились: после январской всеобщей забастовки и последовавших за ней забастовок 1905 года принцип капиталистического «хозяйствования в доме» де-факто отменен. На крупных фабриках всех важных промышленных центров как бы само собой произошло создание рабочих комитетов, с которыми один только работодатель ведет переговоры и которые решают все споры.

И, наконец, еще одно: кажущиеся «хаотичными» забастовки и «неорганизованные» революционные действия после январской всеобщей забастовки становятся отправной точкой для лихорадочной организационной работы. Дама История, глядя на это издали, улыбается и издевается над бюрократическими манекенами, которые мрачно следят за судьбой немецких профсоюзов. Прочные организации, которые, как незаменимая предпосылка для возможной массовой забастовки в Германии, должны быть укреплены как неприступная цитадель, — эти организации, напротив, в России уже родились из массовой забастовки. И в то время как стражи немецких профсоюзов в большинстве своем боятся, что организации разлетятся на куски в революционном вихре, как редкий фарфор, русская революция показывает нам совершенно противоположную картину: из вихря и бури, из огня и жара массовой забастовки и уличных боев возникают, как Венера из пены, свежие, молодые, сильные, энергичные профсоюзы.

Вот еще один небольшой пример, который, однако, типичен для всей империи. На второй конференции российских профсоюзов, состоявшейся в конце февраля 1906 года в Санкт-Петербурге, представитель петербургских профсоюзов в своем докладе о развитии профсоюзных организаций царской столицы сказал:

«22 января 1905 года, которое смело Гапонский профсоюз, стало поворотным моментом. Рабочие в большом количестве на собственном опыте научились ценить и понимать важность организации и то, что только они сами могут создавать эти организации. Первый профсоюз — профсоюз печатников — возник в непосредственной связи с январским движением. Комиссия, назначенная для разработки тарифов, разработала устав, и 19 июля профсоюз начал свою деятельность. Примерно в это же время был создан профсоюз служащих и бухгалтеров».

«В дополнение к этим организациям, которые действовали почти открыто, с января по октябрь 1905 года возникли полуполициальные и нелегальные профсоюзы. К первым относился, например, профсоюз помощников химиков и коммерческих служащих. Среди нелегальных профсоюзов особое внимание следует обратить на профсоюз часовщиков, первое тайное заседание которого состоялось 24 апреля. Все попытки созвать общее открытое собрание были сорваны упорным сопротивлением полиции и работодателей в лице Торговой палаты. Эта неудача не помешала существованию профсоюза. Профсоюз портных и швей был основан в 1905 году на собрании в лесу, на котором присутствовали семьдесят портных. После обсуждения вопроса о создании профсоюза была назначена комиссия, которой было поручено разработать устав. Все попытки комиссии добиться легального статуса для профсоюза оказались безуспешными. Его деятельность ограничивалась агитацией и привлечением новых членов в отдельных мастерских. Аналогичная судьба ждала и профсоюз сапожников. В июле в лесу недалеко от города было созвано тайное ночное собрание. На нем присутствовали более 100 сапожников; был зачитан доклад о важности профсоюзного движения, его истории в Западной Европе и задачах в России. Затем было решено создать профсоюз; была назначена комиссия из двенадцати человек для разработки устава и созыва общего собрания сапожников. Устав был составлен, но в то же время не удалось ни напечатать его, ни созвать общее собрание».

Это были первые трудные дни. Затем наступили октябрьские дни, вторая всеобщая забастовка, манифест царя от 30 октября и короткий «конституционный период». Рабочие с горячим энтузиазмом бросились в водоворот политической свободы, чтобы немедленно использовать ее для организации своей работы. Помимо ежедневных политических собраний, дебатов и создания клубов, сразу же было взято на вооружение развитие профсоюзного движения. В октябре и ноябре в Петербурге появилось сорок новых профсоюзов. Вскоре было создано «центральное бюро», то есть совет профсоюзов, появились различные профсоюзные газеты, а с ноября также издавался центральный орган «Профсоюз».

То, что было сказано выше о Петербурге, в целом относилось и к Москве, Одессе, Киеву, Николаеву, Саратову, Воронежу, Самаре, Нижнему Новгороду и всем крупным городам России, а в еще большей степени — к Польше. Профсоюзы разных городов ищут контактов друг с другом, проводятся конференции. Конец «конституционного периода» и возвращение к реакции в декабре 1905 года на время положили конец открытой широкомасштабной деятельности профсоюзов, но не уничтожили их полностью. Они действуют как тайные организации и время от времени ведут вполне открытую борьбу за повышение заработной платы. Создается своеобразная смесь законного и незаконного состояния профсоюзной жизни, соответствующая крайне противоречивой революционной ситуации.

Но в разгар борьбы работа по организации расширяется все больше, причем тщательно, если не сказать педантично. Например, профсоюзы социал-демократов Польши и Литвы, которые на последнем съезде (в июле 1906 г.) были представлены пятью делегатами из 10 000 членов, снабжены обычными уставами, печатными членскими билетами, наклейками и т. д. И те же банкиры и сапожники, инженеры и печатники Варшавы и Лодзи, которые в июне 1905 года стояли на баррикадах, а в декабре только ждали сигнала из Петербурга, чтобы начать уличные бои, находят время и с энтузиазмом, между одной массовой забастовкой и другой, между тюрьмой и локаутom, в условиях осады, изучают уставы своих профсоюзов и серьезно их обсуждают. Эти баррикадные бойцы вчерашнего и завтрашнего дня действительно не раз на собраниях строго отчитывали своих лидеров и угрожали им выходом из партии, потому что несчастные профсоюзные членские билеты не могли быть напечатаны достаточно

быстро — в тайных типографиях под непрекращающимся преследованием полиции. Это рвение и эта серьезность продолжают и по сей день. Например, в первые две недели июля 1906 года пятнадцать новых профсоюзов появилось в Екатеринославе, шесть — в Костроме, несколько — в Киеве, Полтаве, Смоленске, Черкассах, Проскурове, вплоть до самых незначительных провинциальных городков.

На заседании Московского совета профсоюзов 4 июня этого года, после принятия отчетов отдельных профсоюзных делегатов, было решено, «что профсоюзы должны дисциплинировать своих членов и воздерживаться от уличных беспорядков, поскольку время не считается подходящим для массовой забастовки. В связи с возможными провокациями со стороны правительства следует позаботиться о том, чтобы массы не вышли на улицы». В конце концов, совет постановил, что если в какой-то момент один профсоюз начнет забастовку, другие должны воздержаться от любых действий, связанных с заработной платой. В настоящее время большинство экономических борьбы ведут профсоюзы.

Таким образом, великая экономическая борьба, начавшаяся с январской всеобщей забастовки и продолжающаяся по сей день, сформировала широкий фон революции, на котором в непрерывном взаимодействии с политической агитацией и внешними событиями революции то тут, то там возникают то единичные взрывы, то массовые выступления пролетариата. Таким образом, на этом фоне один за другим вспыхивают следующие события: на первомайской демонстрации в Варшаве произошла беспрецедентная, абсолютная всеобщая забастовка, которая закончилась кровавой стычкой между беззащитной толпой и солдатами. В июне в Лодзи массовый выход на улицы, разогнанный солдатами, привел к демонстрации 100 000 рабочих на похоронах некоторых жертв жестоких солдат и к новой стычке с военными, и, наконец, 23, 24 и 25 июня перерос в первую баррикадную борьбу в царской империи. Также в июне в порту Одессы разразилось первое крупное восстание матросов Черноморского флота, вызванное незначительным инцидентом на борту броненосца «Потемкин», которое сразу же отразилось на Одессе и Николаеве в виде массовой забастовки. Вслед за этим последовали массовые забастовки и восстания матросов в Кронштадте, Либаве и Владивостоке.

В октябре в Санкт-Петербурге был проведен грандиозный эксперимент по введению восьмичасового рабочего дня. Генеральный совет рабочих-делегатов решил добиться восьмичасового рабочего дня революционным путем. Это означало, что в назначенный день все рабочие Петербурга должны были сообщить своим работодателям, что они не готовы работать более восьми часов в день, и покинуть свои рабочие места по истечении восьми часов. Эта идея вызвала бурную агитацию, была с энтузиазмом принята пролетариатом и осуществлена, но при этом не удалось избежать очень больших жертв. Так, например, восьмичасовой рабочий день означал огромное снижение заработной платы для текстильных рабочих, которые до этого работали по одиннадцать часов и по системе сдельной оплаты. Однако они с готовностью согласились с этим. В течение недели восьмичасовой рабочий день был введен на всех фабриках и мастерских Петербурга, и радость рабочих не знала границ. Вскоре, однако, работодатели, сначала ошеломленные, подготовили свою оборону; повсюду они угрожали закрыть свои фабрики. Некоторые рабочие согласились на переговоры и добились здесь десятичасового, а там девятичасового рабочего дня. Элита петербургского пролетариата, однако, рабочие крупных государственных машиностроительных предприятий, осталась непоколебимой, и последовала локаут, в результате которого от сорока пяти до пятидесяти тысяч человек оказались на улице на целый месяц. В поселении движение за восьмичасовой рабочий день переросло в всеобщую забастовку декабря, которую в значительной степени помешала большой локаут.

Между тем, однако, в октябре в ответ на проект Думы Булыгина следует вторая грандиозная всеобщая забастовка по всей империи — забастовка, к которой призвали железнодорожники. Эта вторая великая акция пролетариата уже носит характер, существенно отличающийся от первой, состоявшейся в январе. Элемент политического сознания уже играет гораздо большую роль. Здесь, конечно, непосредственным поводом для начала массовой забастовки было второстепенное и, казалось бы, случайное событие: конфликт железнодорожников с руководством по поводу пенсионного фонда. Но последовавшее за этим всеобщее восстание промышленного пролетариата было проведено в соответствии с четкими политическими идеями. Прологом январской забастовки было шествие к царю с просьбой о политической свободе: лозунг октябрьской забастовки разнес конституционную комедию царизма!

И благодаря немедленному успеху всеобщей забастовки, манифесту царя от 30 октября, движение не сворачивается, как в январе, а вырывается наружу в виде активной деятельности, связанной с вновь обретенной политической свободой. Демонстрации, митинги, молодая пресса, публичные дискуссии и кровавые расправы в конце концов, а затем новые массовые забастовки и демонстрации — такова бурная картина ноябрьских и декабрьских дней. В ноябре по инициативе социал-демократов в Петербурге была организована первая демонстративная массовая забастовка в знак протеста против кровавых действий и введения военного положения в Польше и Ливонии.

Брожение после короткого периода конституционализма и ужасное пробуждение в декабре приводят к вспышке третьей общей массовой забастовки по всей империи. На этот раз ее ход и исход совершенно отличаются от двух предыдущих случаев. Политические действия не превращаются в экономические, как в январе, но и не приносят быстрой победы, как в октябре. Царская клика больше не предпринимает попыток реальной политической свободы, и революционные действия впервые и на всем своем протяжении наталкиваются на прочную стену физического насилия абсолютизма. В результате логического внутреннего развития прогрессивного опыта массовая забастовка на этот раз перерастает в открытое восстание, вооруженные баррикады и уличные бои в Москве. Декабрьские дни в Москве завершают первый богатый событиями год революции как высшую точку восходящей линии политических действий и массового забастовочного движения.

Московские события показывают типичную картину логического развития и в то же время будущего революционного движения в целом: его неизбежное завершение в общем открытом восстании, которое, в свою очередь, не может произойти иначе, как через школу ряда подготовительных частичных восстаний, заканчивающихся частичными внешними «поражениями» и, рассматриваемые по отдельности, могут показаться «преждевременными».

1906 год приносит выборы в Думу и думские события. Пролетариат, руководствуясь сильным революционным инстинктом и четким пониманием ситуации, бойкотирует всю царскую конституционную фарс, и либерализм вновь занимает центральное место на несколько месяцев. Кажется, что ситуация 1904 года повторилась: период речей вместо действий, и пролетариат на время уходит в тень, чтобы более усердно посвятить себя профсоюзной борьбе и работе организации. О массовых забастовках больше не говорят, а громкие ракеты либеральной риторики запускаются день за днем. Наконец, железный занавес разрывается, актеры расходятся, и от либеральных ракет остается только дым и пар. Попытка Центрального комитета русской социал-демократии вызвать массовую забастовку в качестве демонстрации для Думы и возобновления периода либеральных речей терпит полную неудачу. Роль политической массовой забастовки исчерпана, но в то же время переход массовой забастовки в всеобщее народное восстание еще не завершен. Либеральный эпизод закончился, пролетарский эпизод еще не начался. Сцена пока остается пустой.

Взаимодействие политической и экономической борьбы

В вышеизложенном мы попытались в нескольких штрихах обрисовать историю массовой забастовки в России. Даже беглый взгляд на эту историю показывает нам картину, которая никоим образом не похожа на ту, которая обычно складывается в дискуссиях в Германии о массовой забастовке. Вместо жесткой и пустой схемы сухой политической акции, проводимой по решению высших комитетов и снабженной планом и панорамой, мы видим кусочек пульсирующей жизни из плоти и крови, который нельзя вырезать из большой рамки революции, но который связан со всеми частями революции тысячами жил.

Массовая забастовка, как показывает нам русская революция, является настолько изменчивым явлением, что отражает все фазы политической и экономической борьбы, все этапы и факторы революции. Ее адаптивность, эффективность, факторы ее возникновения постоянно меняются. Она внезапно открывает новые и широкие перспективы революции, когда кажется, что она уже зашла в тупик и никто не может с какой-либо степенью уверенности рассчитывать на ее успех. То она течет, как широкая волна, по всему царству, то разделяется на гигантскую сеть узких ручьев; то она бурлит из-под земли, как свежий родник, то полностью теряется под землей. Политические и экономические забастовки, массовые и частичные забастовки, демонстративные и боевые забастовки, всеобщие забастовки отдельных отраслей промышленности и всеобщие забастовки в отдельных городах, мирные борьбы за повышение заработной платы и уличные массовые убийства, баррикадные бои — все это переплетается, идет бок о бок, пересекается, вливается друг в друга и перетекает друг в друга — это непрерывно движущееся, меняющееся море явлений. И закон движения этих явлений ясен: он заключается не в самой массовой забастовке и не в ее технических деталях, а в политических и социальных соотношениях сил революции.

Массовая забастовка — это лишь форма революционной борьбы, и любое нарушение баланса сил, развитие партий и разделение классов, положение контрреволюции — все это немедленно влияет на ход забастовки тысячами невидимых и едва поддающихся контролю способов. Но сама забастовка не

прекращается ни на мгновение. Она лишь меняет свои формы, масштабы и последствия. Она является живым пульсом революции и в то же время ее самым мощным движущим колесом. Одним словом, массовая забастовка, как показала нам русская революция, — это не хитрый метод, открытый тонким рассуждением с целью сделать пролетарскую борьбу более эффективной, а метод движения пролетарских масс, феноменальная форма пролетарской борьбы в революции.

Теперь можно рассмотреть некоторые общие аспекты, которые могут помочь нам сформировать правильную оценку проблемы массовой забастовки:

1. Абсурдно рассматривать массовую забастовку как однократное, изолированное действие. Массовая забастовка — это скорее признак, объединяющая идея всего периода классовой борьбы, длящегося годами, а может быть, и десятилетиями. Из бесчисленных и очень разнообразных массовых забастовок, которые имели место в России за последние четыре года, схема массовой забастовки была чисто политическим движением, начавшимся и закончившимся по заранее составленному плану, коротким единичным актом одного только вида, причем второстепенного — чистой демонстрационной забастовкой. За весь пятилетний период мы видим в России лишь несколько демонстрационных забастовок, которые, следует отметить, как правило, ограничивались отдельными городами. Так, ежегодная первомайская всеобщая забастовка в Варшаве и Лодзи в собственно России 1 мая еще не отмечалась в значительной степени отказом от работы; массовая забастовка в Варшаве 11 сентября 1905 года в память о казненном Мартине Каспржаке; забастовка в Петербурге в ноябре 1905 года в знак протеста против введения военного положения в Польше и Ливонии; забастовка 22 января 1906 года в Варшаве, Лодзи, Чентохоне и в Домбровском угольном бассейне, а также, частично, забастовки в нескольких российских городах в годовщину петербургской бойни; кроме того, в июле 1906 года всеобщая забастовка в Тифлисе в знак солидарности с солдатами, приговоренными военным трибуналом за военное восстание; и, наконец, по той же причине, в сентябре 1906 года, во время заседаний военного трибунала в Ревеле. Все вышеупомянутые крупные и частичные массовые забастовки и всеобщие забастовки не были демонстрационными забастовками, а были боевыми забастовками, и как таковые они возникали, в большинстве случаев, спонтанно, в каждом случае из-за конкретных местных случайных причин, без плана или

замысла, и с элементарной силой превращались в крупные движения, а затем не начинали «упорядоченное отступление», а превращались то в экономические борьбы, то в уличные бои, то самопроизвольно заканчивались.

В этой общей картине чисто политические демонстрационные забастовки играют довольно подчиненную роль — это единичные небольшие точки на фоне огромной равнины. Таким образом, если рассматривать ситуацию временно, то прослеживается следующая закономерность: демонстрационные забастовки, которые, в отличие от боевых забастовок, демонстрируют наибольшую партийную дисциплину, сознательное руководство и политическую мысль, и поэтому должны казаться высшей и наиболее зрелой формой массовой забастовки, на самом деле играют наибольшую роль в начале движения. Так, например, абсолютное прекращение работы 1 мая 1905 года в Варшаве, как первый случай решения социал-демократов, осуществленного столь поразительным образом, было опытом огромного значения для пролетарского движения в Польше. Точно так же сочувственная забастовка того же года в Петербурге произвела большое впечатление как первый опыт сознательной систематической массовой акции в России. Точно так же «пробная массовая забастовка» гамбургских товарищей 17 января 1906 года сыграет заметную роль в истории будущей немецкой массовой забастовки как первая энергичная попытка применения этого столь спорного оружия, а также как очень успешное и убедительно яркое испытание боевого духа и жажды борьбы гамбургского рабочего класса. И точно так же период массовых забастовок в Германии, когда он однажды начнется по-настоящему, сам по себе приведет к реальному, всеобщему прекращению работы 1 мая. Праздник Первого мая, естественно, может быть возведен в ранг почетного места как первая большая демонстрация под эгидой массовой борьбы. В этом смысле «хромой конь», как был назван праздник Первого мая на профсоюзном съезде в Кельне, еще имеет перед собой большое будущее и важную роль в пролетарской классовой борьбе в Германии.

Но с развитием серьезной революционной борьбы значение таких демонстраций быстро уменьшается. Именно те факторы, которые объективно способствуют осуществлению демонстрационной забастовки по заранее разработанному плану и по команде партии, а именно рост политического сознания и подготовка пролетариата, делают невозможным этот вид массовой забастовки; сегодня

пролетариат в России, самый способный авангард масс, не хочет знать о массовых забастовках; рабочие больше не настроены на шутки и теперь думают только о серьезной борьбе со всеми ее последствиями. И когда в первой большой массовой забастовке в январе 1905 года демонстративный элемент, конечно, не в намеренной, а скорее в инстинктивной, спонтанной форме, все еще играл большую роль, с другой стороны, попытка Центрального комитета русских социал-демократов объявить в августе массовую забастовку в качестве демонстрации в поддержку распущенной Думы была сорвана, среди прочего, положительным нежеланием образованного пролетариата участвовать в слабых полумерах и простых демонстрациях.

2. Однако, когда мы рассматриваем менее значительную забастовку демонстративного характера, а не боевую забастовку, которая сегодня в России представляет собой фактическое средство пролетарской борьбы, мы еще яснее видим, что невозможно отделить экономические факторы друг от друга. Здесь также реальность отклоняется от теоретической схемы, и педантичное представление, в котором чистая политическая массовая забастовка логически вытекает из общепрофсоюзной забастовки как наиболее зрелая и высшая стадия, но в то же время остается отдельной от нее, оказывается абсолютно ложным. Это выражается не только в том, что массовая забастовка от той первой великой борьбы за повышение заработной платы петербургских текстильщиков в 1896–97 годах до последней великой массовой забастовки в декабре 1905 года незаметно перешла из экономической сферы в политическую, так что почти невозможно провести между ними разделительную черту.

Опять же, каждая из великих массовых забастовок повторяет, так сказать, в меньшем масштабе всю историю русской массовой забастовки и начинается с чисто экономического или, во всяком случае, частичного профсоюзного конфликта, проходя через все стадии до политической демонстрации. Великая гроза массовых забастовок на Юге России в 1902 и 1903 годах зародилась, как мы видели, в Баку из конфликта, возникшего в связи с дисциплинарным наказанием безработных, в Ростове — из споров о заработной плате в железнодорожных мастерских, в Тифлисе — из борьбы коммерческих служащих за сокращение рабочего времени, в Одессе — из спора о заработной плате на одной небольшой фабрике. Массовая забастовка января 1905 года развилась из внутреннего

Взаимодействие политической и экономической борьбы

конфликта на Путиловке, октябрьская забастовка — из борьбы железнодорожников за пенсионный фонд, и, наконец, декабрьская забастовка — из борьбы почтовых и телеграфных служащих за право объединения. Прогресс движения в целом выражается не в том, что экономическая начальная стадия пропущена, а гораздо больше в быстроте, с которой проходят все стадии до политической демонстрации, и в крайности, до которой доходит забастовка.

Но в целом движение не переходит от экономической борьбы к политической, и даже наоборот. Каждая великая политическая массовая акция, достигнув своей политической кульминации, распадается на множество экономических забастовок. И это относится не только к каждой из великих массовых забастовок, но и к революции в целом. С распространением, прояснением и инволюцией политической борьбы экономическая борьба не только не отступает, но и расширяется, организуется и вовлекается в равной мере. Между ними существует самое полное взаимное воздействие.

Каждое новое начало и каждая новая победа в политической борьбе превращаются в мощный импульс для экономической борьбы, одновременно расширяя ее внешние возможности и усиливая внутреннее стремление рабочих улучшить свое положение и их желание бороться. После каждой бурной волны политических действий остается плодотворный осадок, из которого прорастают тысячи побегов экономической борьбы. И наоборот. Состояние непрерывной экономической борьбы рабочих с капиталистами поддерживает их боевую энергию в каждом политическом перерыве; оно формирует, так сказать, постоянный свежий резервуар силы пролетарских классов, из которого политическая борьба постоянно возобновляет свои силы, и в то же время ведет неутомимых экономических саперов пролетариата во все времена, то здесь, то там, к изолированным острым конфликтам, из которых неожиданно взрываются общественные конфликты в большом масштабе.

Одним словом: экономическая борьба является передатчиком от одного политического центра к другому; политическая борьба является периодическим удобрением почвы для экономической борьбы. Причина и следствие здесь постоянно меняются местами; и таким образом, экономический и политический факторы в период массовой забастовки, теперь широко удаленные, полностью

разделенные или даже взаимоисключающие, как того требует теоретический план, просто образуют две переплетенные стороны пролетарской классовой борьбы в России. И их единство — это именно массовая забастовка. Если изощренная теория предлагает провести умный логический разбор массовой забастовки с целью выйти к «чисто политической массовой забастовке», то этим разбором, как и любым другим, она не уловит явление в его живой сущности, а полностью убьет его.

3. Наконец, события в России показывают нам, что массовая забастовка неотделима от революции. История российской массовой забастовки — это история русской революции. Конечно, когда представители нашего немецкого оппортунизма слышат слово «революция», они сразу же думают о кровопролитии, уличных боях или порохе и пулях, и логический вывод из этого таков: массовая забастовка неизбежно ведет к революции, поэтому мы не смеем ее проводить. На самом деле мы видим в России, что почти каждая массовая забастовка в конечном итоге приводит к столкновению с вооруженными стражами царского порядка, и в этом так называемые политические забастовки точно напоминают более крупную экономическую борьбу. Революция, однако, это нечто иное и нечто большее, чем кровопролитие. В противоречие с полицейской интерпретацией, которая рассматривает революцию исключительно с точки зрения уличных беспорядков и бунтов, то есть с точки зрения «беспорядков», интерпретация научного социализма видит в революции прежде всего коренную внутреннюю перемену социальных классовых отношений. И с этой точки зрения между революцией и массовой забастовкой в России существует совершенно иная связь, чем та, которая содержится в общепринятом представлении о том, что массовая забастовка обычно заканчивается кровопролитием.

Выше мы рассмотрели внутренний механизм российской массовой забастовки, который зависит от непрерывного взаимного воздействия политической и экономической борьбы. Но это взаимное воздействие обусловлено революционным периодом. Только в знойной атмосфере революционного периода любой незначительный конфликт между трудом и капиталом может перерасти в общий взрыв. В Германии самые жестокие, самые brutальные столкновения между рабочими и работодателями происходят каждый год и каждый день, но борьба не выходит за пределы отдельных ведомств или

отдельных городов, или даже отдельных заводов. Наказание организованных рабочих в Петербурге и безработица, как в Баку, борьба за заработную плату, как в Одессе, борьба за право на объединение, как в Москве, — все это в Германии в порядке вещей. Однако ни один из этих случаев не превращается внезапно в общее классовое действие. И когда они перерастают в изолированные массовые забастовки, которые, без сомнения, имеют политическую окраску, они не вызывают общей бури. Ярким доказательством этого является всеобщая забастовка голландских железнодорожников, которая угасла, несмотря на самую горячую симпатию, на фоне полной пассивности пролетариата страны.

И наоборот, только в период революции, когда социальные основы и стены классового общества потрясены и подвергаются постоянному процессу разрушения, любое политическое действие пролетариата может за несколько часов вывести из пассивного состояния целые слои рабочего класса, которые до сих пор оставались незатронутыми, и это немедленно и естественно выражается в бурной экономической борьбе. Рабочий, внезапно пробужденный к активности электрическим разрядом политической борьбы, немедленно хватается за ближайшее оружие для борьбы против своего экономического рабства: бурный жест политической борьбы заставляет его с неожиданной силой ощутить тяжесть и давление своих экономических оков. И в то время как, например, самая ожесточенная политическая борьба в Германии — избирательная борьба или парламентская борьба по таможенному тарифу — оказывала едва заметное прямое влияние на ход и интенсивность забастовок, проводившихся в то же время в Германии, каждое политическое действие пролетариата в России немедленно выражается в расширении области и углублении интенсивности экономической борьбы.

Таким образом, революция сначала создает социальные условия, в которых становится возможным это внезапное превращение экономической борьбы в политическую, а политической борьбы в экономическую, что находит свое выражение в массовой забастовке. И если вульгарная схема видит связь между массовой забастовкой и революцией только в кровавых уличных столкновениях, которыми заканчиваются массовые забастовки, то несколько более глубокий взгляд на российские события показывает совершенно противоположную связь:

на самом деле массовая забастовка не порождает революцию, а революция порождает массовую забастовку.

4. Для понимания вышесказанного достаточно получить объяснение вопроса о сознательном руководстве и инициативе в массовой забастовке. Если массовая забастовка не является единичным актом, а целым периодом классовой борьбы, и если этот период совпадает с периодом революции, то ясно, что массовую забастовку нельзя объявить по собственному желанию, даже если решение об этом может быть принято высшим комитетом сильнейшей социал-демократической партии. Пока социал-демократия не имеет власти устраивать и отменять революции по своему усмотрению, даже самый большой энтузиазм и нетерпение социал-демократических войск не будут достаточными, чтобы вызвать настоящий период массовой забастовки как живое, мощное движение народа. На основании решения партийного руководства и партийной дисциплины вполне может быть организована одна короткая демонстрация, подобная шведской массовой забастовке, или последней австрийской забастовке, или даже гамбургской массовой забастовке 17 января. Однако эти демонстрации отличаются от реального периода революционных массовых забастовок точно так же, как известные демонстрации в иностранных портах в период напряженных дипломатических отношений отличаются от морской войны. Массовая забастовка, рожденная чистой дисциплиной и энтузиазмом, в лучшем случае будет играть роль эпизода, симптома боевого настроения рабочего класса, на котором, однако, отражаются условия мирного периода.

Конечно, даже во время революции массовые забастовки не падают с неба. Их так или иначе должны организовать рабочие. Решимость и целеустремленность рабочих также играют свою роль, и, конечно, инициатива и общее руководство естественным образом ложатся на организованное и наиболее просвещенное ядро пролетариата. Но масштабы этой инициативы и этого руководства в большинстве случаев ограничиваются отдельными действиями, отдельными забастовками, когда революционный период уже начался, и, по сути, в большинстве случаев ограничиваются пределами одного города. Так, например, как мы видели, социал-демократы уже несколько раз успешно вызывали к массовой забастовке в Баку, Варшаве, Лодзи и Петербурге. Но это удастся гораздо реже, когда речь идет об общепролетарских движениях.

Кроме того, существуют довольно четкие ограничения на инициативу и сознательное руководство. Во время революции любому руководящему органу пролетарского движения чрезвычайно трудно предвидеть и рассчитать, какие события и факторы могут привести к взрыву, а какие — нет. Здесь инициатива и руководство также не заключаются в отдаче приказов в соответствии со своими склонностями, а в максимально ловкой адаптации к данной ситуации и максимально тесном контакте с настроением масс. Как мы видели, элемент спонтанности играет большую роль во всех без исключения массовых забастовках в России, будь то в качестве движущей силы или сдерживающего фактора. Однако это происходит в России не потому, что социал-демократия еще молода или слаба, а потому, что в каждом отдельном акте борьбы так много важных экономических, политических и социальных, общих и местных, материальных и психических факторов взаимодействуют друг с другом таким образом, что ни один отдельный акт не может быть организован и решен, как математическая задача. Революция, даже когда пролетариат во главе с социал-демократами выступает в ведущей роли, — это не маневр пролетариата на открытом поле, а борьба на фоне непрекращающегося разрушения, смещения и распада социальных основ. Короче говоря, в массовых забастовках в России элемент спонтанности играет столь доминирующую роль не потому, что русский пролетариат «необразован», а потому, что революции не позволяют никому играть с ними в школьного учителя.

С другой стороны, мы видим, что в России та же революция, которая так затрудняла социал-демократам управление массовой забастовкой и которая постоянно выбивала из их рук дирижерский жезл или вставляла его в руки самым комичным образом, сама по себе разрешила все те трудности массовой забастовки, которые в теоретической схеме немецкой дискуссии считаются главной заботой «руководящего органа»: вопрос «снабжения», «выяснения затрат» и «жертв». Само собой разумеется, что она не решает их так, как они были бы решены в ходе спокойной конфиденциальной дискуссии между высшими руководящими комитетами рабочего движения, члены которых сидят с карандашом в руке. «Регулирование» всех этих вопросов заключается в том, что революция выводит на сцену такую огромную массу людей, что любой расчет или регулирование затрат движения, которые могут быть осуществлены в гражданском процессе, кажутся совершенно безнадежным предприятием.

Ведущие организации в России, безусловно, пытаются поддерживать прямых жертв по мере своих возможностей. Так, например, отважные жертвы гигантской забастовки в Санкт-Петербурге, последовавшей за кампанией за восьмичасовой рабочий день, получали поддержку в течение нескольких недель. Но все эти меры, в огромном балансе революции, являются лишь каплей в море. В тот момент, когда начинается реальный, серьезный период массовых забастовок, все эти «расчеты» «затрат» становятся лишь проектами по истощению океана с помощью стакана. И это настоящий океан ужасных лишений и страданий, который каждая революция приносит пролетарским массам. И решение, которое революционный период дает этой, казалось бы, непреодолимой трудности, заключается в том, что одновременно высвобождается такой огромный объем массового идеализма, что массы становятся невосприимчивыми к самым горьким страданиям. С психологией профсоюзного деятеля, который не останется дома в Первомайский день, если ему заранее не будет гарантирована определенная поддержка в случае преследования, ни революция, ни массовая забастовка не могут быть осуществлены. Но в бурю революционного периода даже пролетарий превращается из предусмотрительного главы семьи, требующего поддержки, в «революционного романтика», для которого даже высшее благо, сама жизнь, не говоря уже о материальном благосостоянии, имеет малое значение по сравнению с идеалами борьбы.

Однако если направление массовой забастовки в смысле контроля над ее возникновением и в смысле расчета и оценки затрат является вопросом самого революционного периода, то руководство массовой забастовкой в совершенно ином смысле становится обязанностью социал-демократии и ее руководящих органов. Вместо того чтобы ломать голову над технической стороной, над механизмом массовой забастовки, социал-демократы призваны взять на себя политическое руководство в разгар революционного периода.

Взаимодействие политической и экономической борьбы

Дать сигнал к борьбе и определить ее направление; регулировать тактику политической борьбы на каждом ее этапе и в каждый момент так, чтобы вся совокупность уже высвобожденной и действующей силы пролетариата нашла свое выражение в боевом строю партии; следить за тем, чтобы тактика социал-демократов определялась в соответствии с их решимостью и проницательностью и никогда не опускалась ниже уровня, требуемого фактическим соотношением сил, а, напротив, поднималась выше него — это важнейшая задача руководящего органа в период массовых забастовок. И это руководство в определенной степени само по себе превращается в техническое руководство. Последовательная, решительная, прогрессивная тактика со стороны социал-демократов вызывает у масс чувство уверенности, самоуверенности и желания бороться; колеблющаяся, слабая тактика, основанная на недооценке пролетариата, оказывает парализующее и сбивающее с толку воздействие на массы. В первом случае массовые забастовки вспыхивают «сами по себе» и «вовремя»; во втором случае они остаются безрезультатными, несмотря на прямые призывы руководящего органа к массовым забастовкам. И в том, и в другом случае русская революция дает яркие примеры.

Уроки рабочего движения в России, применимые к Германии

Уроки рабочего движения в России, применимые к Германии

Давайте теперь посмотрим, насколько все эти уроки, которые можно извлечь из российских массовых забастовок, применимы к Германии. Социальные и политические условия, история и статус рабочего движения в Германии и России сильно различаются. На первый взгляд, внутренний закон российских массовых забастовок, описанный выше, может показаться исключительно продуктом специфических российских условий, которые не нужно принимать во внимание немецкому пролетариату. Между политической и экономической борьбой в русской революции существует очень тесная внутренняя связь; их единство становится реальностью в период массовых забастовок. Но разве это не просто результат русского абсолютизма? В государстве, где запрещены все формы и проявления рабочего движения, где простейшая забастовка является политическим преступлением, логично, что любая экономическая борьба становится политической.

Далее, когда, напротив, первая вспышка политической революции повлекла за собой всеобщую расправу русского рабочего класса с работодателями, это также является простым результатом обстоятельств, при которых русский рабочий до сих пор имел очень низкий уровень жизни и еще ни разу не участвовал в экономической борьбе за улучшение своего положения. Пролетариат в России должен сначала в определенной степени выбраться из этих ужасных условий, и что удивительного в том, что он с молодежным рвением воспользовался первыми средствами для достижения этой цели, как только революция принесла первый свежий ветер в тяжелый воздух абсолютизма?

И, наконец, бурный революционный ход массовых забастовок в России, а также их преимущественно спонтанный, элементарный характер объясняются, с одной стороны, политической отсталостью России, необходимостью сначала свергнуть восточный деспотизм, а с другой — отсутствием организации и дисциплины у русского пролетариата. В стране, где рабочий класс имеет тридцатилетний опыт политической жизни, сильную социал-демократическую партию с тремя

Уроки рабочего движения в России, применимые к Германии

миллионами членов и четвертью миллиона отборных войск, организованных в профсоюзы, ни политическая борьба, ни массовые забастовки не могут иметь такого же бурного и элементарного характера, как в полуварварском государстве, которое только что сделало скачок из средневековья в современный буржуазный порядок. Такова нынешняя концепция тех, кто хочет определить степень зрелости социальных условий страны по тексту письменных законов.

Рассмотрим эти вопросы по порядку. Прежде всего, неправильно датировать начало экономической борьбы в России только с момента начала революции. На самом деле забастовки и споры о заработной плате в самой России становились все более частыми явлениями с 90-х годов прошлого века, а в Российской Польше — даже с 80-х годов, и в конечном итоге привели к завоеванию гражданских прав для рабочих. Конечно, за ними часто следовали жестокие полицейские меры, но тем не менее они были повседневным явлением. Например, уже в 1891 году и в Варшаве, и в Лодзи существовал значительный забастовочный фонд, а энтузиазм по поводу профсоюзного движения в те годы даже на короткое время создал в Польше ту «экономическую» иллюзию, которая несколько лет спустя возобладала в Петербурге и остальной России.

Точно так же сильно преувеличено представление о том, что пролетариат в царской империи до революции жил на уровне нищих. Слой рабочих крупных промышленных предприятий в больших городах, которые были наиболее активными и рьяными участниками как экономической, так и политической борьбы, с точки зрения материальных условий жизни находится едва ли ниже соответствующего слоя немецкого пролетариата, а в некоторых профессиях в России можно встретить такие же высокие заработные платы, как и в Германии, а кое-где даже более высокие. А что касается продолжительности рабочего дня, то разница в крупных промышленных предприятиях обеих стран здесь и там незначительна. Представление о предполагаемом материальном и культурном положении русского рабочего класса, подобном положению гелотов, также не имеет под собой никаких оснований. Это представление опровергается, как показывает небольшое размышление, фактами самой революции и той заметной ролью, которую в ней сыграл пролетариат.

Уроки рабочего движения в России, применимые к Германии

С нищими невозможно совершить революцию такой политической зрелости и умственной прозорливости, а промышленные рабочие Петербурга и Варшавы, Москвы и Одессы, стоящие на переднем крае борьбы, культурно и умственно гораздо ближе к западноевропейскому типу, чем это представляют себе те, кто считает буржуазный парламентаризм и методичную профсоюзную практику незаменимой или даже единственной школой культуры для пролетариата. Современное крупное капиталистическое развитие России и интеллектуальное влияние социал-демократии, оказываемое на протяжении полутора десятилетий, которое поощряло и направляло экономическую борьбу, выполнили важную культурную работу без внешних гарантий буржуазного правопорядка.

Однако контраст становится менее заметным, если мы посмотрим на реальный уровень жизни немецкого рабочего класса. Великие политические массовые забастовки в России с самого начала пробудили широкие слои пролетариата и ввергли их в лихорадочную экономическую борьбу. Но разве в Германии нет целых непросвещенных слоев рабочих, в которые до сих пор едва проникло теплое свечение профсоюзов, целых слоев, которые до сих пор никогда не пытались или тщетно пытались вырваться из своего социального рабства с помощью ежедневных забастовок?

Рассмотрим бедность шахтеров. Уже в спокойный рабочий день, в холодной атмосфере парламентской монотонности Германии — как и в других странах, и даже в Эльдorado профсоюзного движения, Великобритании — борьба шахтеров за повышение заработной платы практически никогда не выражается иначе, как в виде периодических бурных вспышек массовых забастовок типичного, элементарного характера. Это только показывает, что антагонизм между трудом и капиталом слишком острый и насильственный, чтобы позволить ему рассыпаться в форме спокойных систематических, частичных профсоюзных борьб.

Бедственное положение шахтеров, с его взрывоопасной почвой, которая даже в «нормальные» времена является центром бурных волнений, должно немедленно вылиться в насильственную экономическую социалистическую борьбу, в каждую крупную политическую массовую акцию рабочего класса, в каждый насильственный внезапный рывок, нарушающий временное равновесие повседневной социальной жизни.

Уроки рабочего движения в России, применимые к Германии

Давайте рассмотрим еще один пример – бедность текстильных рабочих. Здесь также горькие и в большинстве своем безрезультатные вспышки борьбы за повышение заработной платы, которые разгорались в Вогтланде каждые несколько лет, дают лишь слабое представление о той ярости, с которой огромная масса рабов текстильного капитала, объединенного в тресты, должна взорваться во время политических потрясений, во время мощных, смелых массовых действий немецкого пролетариата. Возьмем еще бедность надомных работников, работников швейной промышленности, работников электроэнергетики — настоящих очагов бури, в которых чем реже пролетариат берется за борьбу в спокойные времена, тем с большей вероятностью вспыхнут ожесточенные борьбы при каждом политическом потрясении в Германии; и чем безуспешнее они борются в любое время, тем более жестоко капитал заставит их вернуться, скрежеща зубами, под иго рабства.

Теперь же необходимо учитывать целые широкие слои пролетариата, которые при «нормальном» ходе дел в Германии не могут участвовать в мирной экономической борьбе за улучшение своего положения и не могут воспользоваться правом на объединение. В первую очередь мы приводим пример вопиющей нищеты железнодорожников и почтовых служащих. Для этих государственных служащих в парламентском конституционном государстве Германии существуют российские условия, то есть российские условия, которые существовали только до революции, во времена безмятежного великолепия абсолютизма. Уже во время великой октябрьской забастовки 1905 года русские железнодорожники в тогдашней формально абсолютистской России значительно превосходили немцев в плане экономической и социальной свободы своего движения. Русские железнодорожники и почтовые служащие завоевали де-факто право на объединение в ходе бурных событий, и хотя в тот момент судебные процессы и преследования были правилом, они не могли повлиять на внутреннее единство рабочих.

Однако было бы совершенно ошибочным психологическим расчетом предполагать, как это делает немецкая реакция, что рабское повиновение немецких железнодорожников и почтовых служащих будет длиться вечно, что оно является скалой, которую ничто не может измотать. Когда даже немецкие

Уроки рабочего движения в России, применимые к Германии

профсоюзные лидеры настолько привыкли к существующим условиям, что, не беспокоясь о безразличии, почти не имеющем себе равных во всей Европе, могут с полным удовлетворением оценивать результаты профсоюзной борьбы в Германии, тогда глубоко укоренившееся, долго подавляемое недовольство униформенных государственных рабов неизбежно найдет выход в общем восстании промышленных рабочих. И когда промышленный авангард пролетариата посредством массовых забастовок будет добиваться новых политических прав или пытаться защитить существующие, огромная армия железнодорожников и почтовых служащих должна будет обязательно вспомнить о своем особом позоре и наконец подняться на борьбу за свое освобождение от той дополнительной доли русского абсолютизма, которая специально зарезервирована для них в Германии.

Педантичная концепция, согласно которой великие народные движения должны разворачиваться по плану и рецепту, считает, что железнодорожники должны сначала получить право на объединение, прежде чем кто-либо «осмелится подумать» о массовой забастовке в Германии. Фактический и естественный ход событий может быть только противоположным: только из спонтанной мощной массовой забастовки может действительно родиться право на объединение немецких железнодорожников, а также почтовых служащих. И проблемы, которые в существующих условиях Германии неразрешимы, внезапно найдут свое решение под влиянием и давлением всеобщей политической массовой акции пролетариата.

И, наконец, самое важное и значительное: бедность сельских рабочих. Если британские профсоюзы состоят исключительно из промышленных рабочих, то это вполне понятно, учитывая особый характер британской национальной экономики и незначительную роль, которую сельское хозяйство в целом играет в экономической жизни Великобритании. В Германии профсоюзная организация, какой бы хорошо организованной она ни была, если она состоит только из промышленных рабочих и недоступна для огромной армии сельскохозяйственных рабочих, даст лишь слабое, частичное представление об условиях жизни пролетариата. Но опять же было бы роковой иллюзией думать, что условия в стране неизменны и непоколебимы и что неустанная

Уроки рабочего движения в России, применимые к Германии

просветительская работа социал-демократии, и тем более вся внутренняя классовая политика Германии, не подрывают постоянно внешнюю пассивность сельскохозяйственных рабочих и что любая большая общая классовая акция немецкого пролетариата, независимо от ее цели, не может втянуть в конфликт и сельский пролетариат.

Точно так же картина мнимого экономического превосходства немецкого пролетариата над русским значительно меняется, если мы отвлечемся от таблиц по отраслям и ведомствам, организованным в профсоюзы, и обратим взгляд на те огромные группы пролетариата, которые вообще не участвуют в профсоюзной борьбе или чье особое экономическое положение не позволяет им втиснуться в узкие рамки повседневной партизанской войны профсоюзов. Мы видим там одну важную сферу за другой, в которых обострение антагонизмов достигло крайней степени, в которых в изобилии накоплены горючие материалы, в которых в самой обнаженной форме присутствует «русский абсолютизм» и в которых сначала необходимо провести самые элементарные экономические расчеты с капиталом.

Таким образом, в ходе общеполитической массовой забастовки пролетариата все эти нерешенные вопросы неизбежно будут поставлены перед существующей системой. Искусственно организованная демонстрация городского пролетариата, проводимая один раз, простая массовая забастовка, вызванная дисциплиной и направляемая дирижерским жезлом партийного руководства, может поэтому оставить широкие массы народа равнодушными и безразличными. Но мощная и безрассудная боевая акция промышленного пролетариата, рожденная революционной ситуацией, обязательно найдет отклик в более глубоких слоях общества и в конечном итоге втянет в бурную общую экономическую борьбу всех тех, кто в обычное время стоит в стороне от повседневной профсоюзной борьбы.

Но когда мы возвращаемся к организованному авангарду немецкого промышленного пролетариата и держим перед глазами цели экономической борьбы, к которым стремился русский рабочий класс, мы вовсе не обнаруживаем никакой тенденции пренебрежительного отношения к молодежи, как это было у старейших немецких профсоюзов. Таким образом, самое важное общее требование российских забастовок с 22 января — восьмичасовой рабочий день —

Уроки рабочего движения в России, применимые к Германии

конечно же, не является недостижимой платформой для немецкого пролетариата, а в большинстве случаев — прекрасным, отдаленным идеалом. Это относится также к борьбе за платформу «хозяйствования», к борьбе за введение рабочих комитетов на всех фабриках, за отмену сдельной оплаты труда, за отмену надомного труда в ремесленном производстве, за полное соблюдение воскресного отдыха и за признание права на объединение. Да, при ближайшем рассмотрении все экономические цели борьбы русского пролетариата являются вполне реальными и для немецкого пролетариата и затрагивают очень больное место в жизни рабочих.

Из этого неизбежно следует, что чистая политическая массовая забастовка, которая проводится по предпочтению, в Германии является лишь безжизненным теоретическим планом. Если массовые забастовки являются естественным результатом сильного революционного брожения, то они столь же естественно, как и в России, превратятся в целый период элементарных экономических борьбы. Таким образом, опасения профсоюзных лидеров, что борьба за экономические интересы в период бурных политических конфликтов, в период массовых забастовок, может быть просто оттеснена на второй план и подавлена, основаны на совершенно беспочвенном, школярском представлении о ходе событий. Революционный период в Германии также изменил бы характер профсоюзной борьбы и развил бы ее возможности до такой степени, что нынешняя партизанская война профсоюзов по сравнению с этим была бы детской забавой. С другой стороны, из этой элементарной экономической бури массовых забастовок политическая борьба всегда будет черпать новый импульс и свежую силу. Взаимодействие экономической и политической борьбы, которое является главной движущей силой современных забастовок в России и в то же время регулирующим механизмом революционной деятельности пролетариата, естественным образом возникнет и в Германии в силу самих условий.

Сотрудничество организованных и неорганизованных работников необходимо для победы

Сотрудничество организованных и неорганизованных работников необходимо для победы

В связи с этим вопрос об организации в отношении проблемы массовой забастовки в Германии приобретает совершенно иной аспект.

Отношение многих профсоюзных лидеров к этому вопросу в целом можно резюмировать следующим утверждением: «Мы еще не достаточно сильны, чтобы рискнуть таким опасным испытанием сил, как массовая забастовка». Эта позиция настолько несостоятельна, что определить мирным путем, путем подсчета голосов, когда пролетариат будет «достаточно силен» для любой борьбы, — задача неразрешимая. Тридцать лет назад немецкие профсоюзы насчитывали 50 000 членов. Очевидно, что с таким количеством членов о массовой забастовке вышеуказанного масштаба не могло быть и речи. Пятнадцать лет спустя профсоюзы стали в четыре раза сильнее и насчитывали 237 000 членов. Однако если бы тогда у нынешних профсоюзных лидеров спросили, достаточно ли зрела организация пролетариата для массовой забастовки, они наверняка ответили бы, что она еще далека от этого и что число членов профсоюзов сначала должно исчисляться миллионами.

Сегодня число профсоюзных активистов уже достигло двух миллионов, но взгляды лидеров остаются прежними и, скорее всего, останутся такими же до конца. Негласно предполагается, что весь рабочий класс Германии, до последнего мужчины и последней женщины, должен быть включен в организацию, прежде чем она «станет достаточно сильной», чтобы рискнуть массовыми действиями, которые тогда, согласно старой формуле, вероятно, будут представлены как «лишние». Эта теория, тем не менее, абсолютно утопична по той простой причине, что она страдает внутренним противоречием, что она заходит в замкнутый круг. Прежде чем рабочие смогут вступить в прямую классовую борьбу, они все должны быть организованы. Обстоятельства, условия капиталистического развития и буржуазного государства делают невозможным,

Сотрудничество организованных и неорганизованных работников необходимо для победы

чтобы в нормальном ходе вещей, без бурных классовых борьб, определенные слои — и именно самые многочисленные, самые важные, самые низшие и наиболее угнетаемые капиталом и государством — могли быть вообще организованы. Мы видим, что даже в Великобритании, где на протяжении целого века велась неустанная профсоюзная работа без каких-либо «беспорядков» — за исключением начала периода чартистского движения — без каких-либо «романтических революционных» ошибок или соблазнов, удалось организовать лишь меньшинство из наиболее высокооплачиваемых слоев пролетариата.

С другой стороны, профсоюзы, как и все боевые организации пролетариата, не могут постоянно поддерживать себя иначе, как борьбой, и не борьбой того же рода, что и война между лягушками и мышами в стоячих водах буржуазного парламентского периода, а борьбой в бурные революционные периоды массовых забастовок. Жесткая, механико-бюрократическая концепция не может представить себе борьбу иначе, как продукт организации на определенном этапе ее развития. Напротив, живая, диалектическая концепция рассматривает организацию как продукт борьбы. Мы уже видели грандиозный пример этого явления в России, где почти полностью неорганизованный пролетариат создал обширную сеть организационных придатков за полтора года бурной революционной борьбы.

Еще один пример такого рода можно найти в истории немецких профсоюзов. В 1878 году число членов профсоюзов составляло 50 000 человек. Согласно теории современных профсоюзных лидеров, эта организация, как указано выше, была далеко не «достаточно сильной», чтобы вступить в ожесточенную политическую борьбу. Однако немецкие профсоюзы, несмотря на свою слабость в то время, все же вступили в борьбу — а именно в борьбу против антисоциалистического закона — и показали, что они «достаточно сильны» не только для того, чтобы выйти из борьбы победителями, но и для того, чтобы увеличить свою силу в пять раз: в 1891 году, после отмены антисоциалистических законов, их членство составляло 277 659 человек. Правда, методы, с помощью которых профсоюзы победили в борьбе против антисоциалистических законов, не соответствуют идеалу мирного, пчелиного, непрерывного процесса: сначала они вступили в борьбу в состоянии полного разгрома, чтобы подняться на следующей волне и родиться заново. Но

Сотрудничество организованных и неорганизованных работников необходимо для победы

именно в этом заключается специфический метод роста, соответствующий пролетарским классовым организациям: пройти испытание в борьбе и выйти из нее с возросшей силой.

При более внимательном изучении ситуации в Германии и положения различных слоев рабочего класса становится ясно, что предстоящий период бурных политических массовых борьбы не принесет страшного, угрожающего краха немецких профсоюзов, а, напротив, откроет до сих пор непредвиденные перспективы расширения их сферы влияния — расширения, которое будет происходить быстро, семимильными шагами. Но у этого вопроса есть еще один аспект. План проведения массовых забастовок в качестве серьезной политической акции класса, в которой участвуют только организованные рабочие, абсолютно безнадежен. Чтобы массовая забастовка, или, вернее, массовые забастовки и массовая борьба были успешными, они должны стать настоящим народным движением, то есть в борьбу должны быть вовлечены самые широкие слои пролетариата. Уже в парламентской форме сила пролетарской классовой борьбы опирается не на небольшую организованную группу, а на окружающую периферию революционно настроенного пролетариата. Если бы социал-демократы вступили в предвыборную борьбу, опираясь только на несколько сотен тысяч своих организованных членов, они обрекли бы себя на поражение. И хотя социал-демократия, где это возможно, стремится привлечь всю свою огромную армию избирателей в партийную организацию, после тридцати лет опыта социал-демократии масса ее избирателей не увеличивается за счет роста партийной организации, а, напротив, новые слои пролетариата, завоеванные на данный момент в результате избирательной борьбы, являются плодородной почвой для последующего сеяния организации. Здесь организация не поставляет войска для борьбы, а борьба, в все большей степени, поставляет новобранцев для организации.

В гораздо большей степени это, очевидно, относится к прямым политическим массовым действиям, чем к парламентской борьбе. Если социал-демократы, как организованное ядро рабочего класса, являются важнейшим авангардом всего рабочего движения, и если политическая ясность, сила и единство рабочего движения проистекают из этой организации, то недопустимо представлять себе

Сотрудничество организованных и неорганизованных работников необходимо для победы

классовое движение пролетариата как движение организованного меньшинства. Каждая настоящая, великая классовая борьба должна опираться на поддержку и сотрудничество самых широких масс, и стратегия классовой борьбы, которая не рассчитывает на это сотрудничество, которая основана на идее тщательно спланированного выхода на арену небольшой, хорошо подготовленной части пролетариата, обречена на провал.

Поэтому массовые забастовки и политические массовые борьбы не могут быть осуществлены в Германии только организованными рабочими, и они не могут быть оценены обычным «руководством» центрального комитета партии. В данном случае, как и в России, они зависят не столько от «дисциплины» и «подготовки» и от максимально тщательного предварительного регулирования вопросов поддержки и затрат, сколько от реальных революционных, решительных действий класса, которые смогут привлечь к борьбе самые широкие круги неорганизованных рабочих в соответствии с их настроением и условиями.

Переоценка и ложная оценка роли организаций в классовой борьбе пролетариата обычно усугубляется недооценкой неорганизованных пролетарских масс и их политической зрелости. В революционный период, в бурю великих волнующих классовых борьб, весь воспитательный эффект быстрого капиталистического развития и социал-демократического влияния впервые проявляется на самых широких слоях народа, о которых в мирное время таблицы организованных и даже избирательные статистики дают лишь слабое представление.

Мы видели, что в России за два года из самого незначительного частичного конфликта рабочих с работодателями, из самого незначительного акта жестокости со стороны органов власти может сразу же возникнуть великая общая акция пролетариата. Все, конечно, видят и верят в это, потому что в России есть «революция». Но что это значит? Это значит, что классовое чувство, классовый инстинкт живы и очень активны в русском пролетариате, так что он сразу же рассматривает каждый частный вопрос любой небольшой группы рабочих как общий вопрос, как дело всего класса, и молниеносно реагирует на его влияние как единое целое. В то время как в Германии, Франции, Италии и Голландии самые ожесточенные профсоюзные конфликты едва ли вызывают какие-либо общие

Сотрудничество организованных и неорганизованных работников необходимо для победы

действия рабочего класса — а когда вызывают, то двигается только организованная часть рабочих — в России малейший спор вызывает бурю. Это означает лишь то, что в настоящее время — как бы парадоксально это ни звучало — классовый инстинкт самого молодого, наименее подготовленного, плохо образованного и еще хуже организованного русского пролетариата неизмеримо сильнее, чем у организованного, подготовленного и просвещенного рабочего класса Германии или любой другой западноевропейской страны. И это не следует считать особой достоинством «молодого, неисчерпаемого Востока» по сравнению с «вялым Западом», а просто результатом прямых революционных массовых действий.

В случае просвещенного немецкого рабочего классовое сознание, привитое социал-демократами, является теоретическим и латентным: в период, когда правит буржуазный парламентаризм, оно, как правило, не может активно участвовать в прямых массовых действиях; оно является идеальной суммой четырехсот параллельных действий в избирательной сфере во время предвыборной борьбы, многочисленных частичных экономических забастовок и т. п. В революции, когда массы сами появляются на политическом поле боя, это классовое сознание становится практическим и активным. Таким образом, год революции дал русскому пролетариату ту «подготовку», которую тридцать лет парламентской и профсоюзной борьбы не могут искусственно дать немецкому пролетариату. Конечно, это живое, активное классовое чувство пролетариата значительно ослабнет, или, вернее, перейдет в скрытое и латентное состояние после окончания периода революции и установления буржуазно-парламентского конституционного государства.

И точно так же, с другой стороны, живое революционное классовое чувство, способное к действию, будет влиять на самые широкие и глубокие слои пролетариата в Германии в период активной политической деятельности, и тем быстрее, глубже и энергичнее будет проходить просветительская работа социал-демократии среди них. Эта просветительская работа и провокационное и революционизирующее воздействие всей нынешней политики Германии проявятся в том, что все те группы, которые в настоящее время в своей кажущейся политической глупости остаются невосприимчивыми ко всем

Сотрудничество организованных и неорганизованных работников необходимо для победы

организационным попыткам социал-демократов и профсоюзов, в серьезный революционный период внезапно последуют за знаменем социал-демократии. Шесть месяцев революционного периода завершат работу по подготовке этих пока еще неорганизованных масс, чего не смогли бы сделать десять лет публичных демонстраций и распространения листовок. И когда условия в Германии достигнут критической стадии для такого периода, те слои населения, которые сегодня неорганизованы и отстали, в борьбе проявят себя как самые радикальные, самые импульсивные элементы, а не те, которых придется тащить за собой.

Таким образом, мы приходим к тем же выводам в Германии в отношении особых задач руководства в связи с ролью социал-демократии в массовых забастовках, что и в нашем анализе событий в России. Если мы теперь оставим педантическую схему демонстративных массовых забастовок, искусственно вызванных приказом партий и профсоюзов, и обратимся к живой картине народного движения, возникающего с элементарной энергией из кульминации классовых антагонизмов и политической ситуации — движения, которое переходит, как в политическом, так и в экономическом плане, в массовые борьбы и массовые забастовки, — становится очевидным, что задача социал-демократии состоит не в технической подготовке и руководстве массовыми забастовками, но, прежде всего, в политическом руководстве всем движением.

Сотрудничество организованных и неорганизованных работников необходимо для победы

Социал-демократы — это самая просвещённая, наиболее классово сознательная авангарда пролетариата. Они не могут и не смеют ждать, в фаталистической покорности, сложа руки, наступления «революционной ситуации», — ждать того, что в каждом стихийном народном движении будто бы падает с неба. Напротив, они должны теперь, как и всегда, ускорять ход событий и стремиться к тому, чтобы их развитие шло вперёд. Однако сделать это они могут не тем, чтобы внезапно и наудачу бросить лозунг всеобщей стачки в любой случайный момент, а прежде всего тем, чтобы разъяснить самым широким слоям пролетариата неизбежность наступления этого революционного периода, внутренние социальные силы, его порождающие, и политические следствия, вытекающие из него.

Если самые широкие массы пролетариата будут завоёваны для политического массового действия социал-демократов и если, наоборот, социал-демократы смогут захватить и удержать подлинное руководство массовым движением — станут, в политическом смысле, вождями всего движения, — тогда они обязаны с величайшей ясностью, последовательностью и решительностью разъяснить германскому пролетариату свои тактические позиции и цели в грядущий период борьбы.

Роль массовой забастовки в революции

Мы видели, что массовая стачка в России не является искусственным продуктом заранее продуманной тактики со стороны социал-демократов, но представляет собой естественное историческое явление, вырастающее из самой почвы нынешней революции. Но какие же силы породили в России эту новую, невиданную прежде форму революционного движения?

Русская революция имеет своей первой задачей уничтожение абсолютизма и установление современного буржуазно-парламентского конституционного государства. По своей форме она совершенно тождественна той задаче, которая стояла перед Германией в революции марта 1848 года, и перед Великой французской революцией конца XVIII столетия. Однако условия, историческая среда, в которых совершались эти, внешне сходные, буржуазные революции, радикально отличаются от обстановки современной России. Существенное различие заключается в том, что между теми буржуазными революциями Запада и нынешней буржуазной революцией Востока пронёсся весь цикл капиталистического развития. И это развитие охватило не только страны Западной Европы, но и самодержавную Россию. Крупная промышленность со всеми её последствиями — современным классовым расслоением, резкими социальными контрастами, жизнью больших городов и наличием современного пролетариата — стала в России господствующей, то есть решающей формой общественного производства.

Из этого вытекает удивительная, противоречивая, историческая ситуация: буржуазная революция, в соответствии со своими формальными задачами, будет, в первую очередь, осуществляться современным классово сознательным пролетариатом и в международной среде, отличительной чертой которой является разложение буржуазной демократии. Сегодня движущей силой революции, в отличие от ранних западных революций, является не буржуазия, а классово сознательный пролетариат, тогда как большие буржуа оказываются либо открыто против революции, либо либеральными умеренными; лишь сельская мелкая буржуазия и городская мелкобуржуазная интеллигенция занимают определённо оппозиционную и даже революционную позицию.

Роль массовой забастовки в революции

Русский пролетариат, которому суждено играть ведущую роль в буржуазной революции, вступает в борьбу, свободный от всяких иллюзий относительно буржуазной демократии, с глубоко развитым сознанием собственных специфических классовых интересов и в то время, когда антагонизм между капиталом и трудом достиг своего апогея. Эта противоречивая ситуация проявляется в том, что в этой формально буржуазной революции антагонизм буржуазного общества к абсолютизму определяется антагонизмом пролетариата к буржуазному обществу, что борьба пролетариата против буржуазного общества направлена одновременно и с равной энергией как против абсолютизма, так и против капиталистической эксплуатации, и что программа революционной борьбы сосредоточивает одинаковое внимание на политической свободе, завоевании восьмичасового рабочего дня и человеческом уровне материального существования пролетариата. Этот двойственный характер русской революции выражается в тесном единстве экономической и политической борьбы и в их взаимном влиянии, что мы видим как характерную особенность русских событий и что находит своё наиболее яркое выражение в массовой забастовке.

В прежней буржуазной революции, где, с одной стороны, политическое воспитание и руководство революционными массами осуществлялись буржуазными партиями, а с другой — дело ограничивалось свержением старого правительства, краткая борьба на баррикадах была надлежащей формой революционной борьбы. Сегодня рабочий класс должен сам себя воспитывать, сосредоточивать свои силы и руководить собой в ходе революционной борьбы, и поэтому революция направлена столь же сильно против капиталистической эксплуатации, как и против старого режима; до такой степени, что массовая забастовка выступает естественным средством для мобилизации, организации и подготовки самых широких слоёв пролетариата к революционной борьбе, как средством подрыва и свержения старой государственной власти, так и для ограничения капиталистической эксплуатации. Городской индустриальный пролетариат ныне является душой революции в России. Но чтобы провести прямую политическую борьбу как массой, пролетариат сначала должен собраться как масса, и для этой цели ему необходимо выйти из фабрик и мастерских, шахт и литейных, преодолеть атомизацию и разложение, к которым он приговорен под ежедневным гнетом капитализма.

Роль массовой забастовки в революции

Массовая забастовка — это первая естественная, импульсивная форма всякой великой революционной борьбы пролетариата, и чем более развит антагонизм между капиталом и трудом, тем эффективнее и решительнее должны быть массовые забастовки. Главная форма предыдущих буржуазных революций — борьба на баррикадах, открытый конфликт с вооружённой властью государства — сегодня в революции выступает лишь кульминационной точкой, лишь моментом в процессе пролетарской массовой борьбы.

И вместе с тем в новой форме революции достигается то цивилизующее и смягчающее воздействие на классовую борьбу, о котором пророчили оппортунисты германской социал-демократии — Бернштейны, Давиды и им подобные. Правда, эти люди видели желаемое смягчение классовой борьбы в свете мелкобуржуазных демократических иллюзий — они полагали, что классовая борьба сократится исключительно до парламентского противостояния и что уличные столкновения просто исчезнут. История же дала решение глубже и тоньше: в появлении революционных массовых забастовок, которые, разумеется, никоим образом не заменяют жестокие уличные бои и не делают их ненужными, но сводят их к одному моменту в длинном периоде политической борьбы и вместе с тем соединяют революционный период с огромной культурной работой в самом точном смысле слова: Материальное и интеллектуальное возвышение всего рабочего класса через „цивилизацию“ варварских форм капиталистической эксплуатации.

Массовая забастовка таким образом предстает перед нами не как исключительно русский продукт, выросший из абсолютизма, а как универсальная форма классовой борьбы пролетариата, вытекающая из настоящего этапа развития капитализма и классовых отношений. С этой точки зрения три буржуазные революции — Великая Французская революция, немецкая революция марта и нынешняя Российская революция — образуют непрерывную цепь развития, в которой можно проследить как судьбу, так и пределы капиталистического века.

В Великой Французской революции ещё слабо развитые внутренние противоречия буржуазного общества дали простор для длительного периода насильственных столкновений, в которых все антагонизмы, впервые зародившиеся и созревшие в жаре революции, бушевали без всяких ограничений

Роль массовой забастовки в революции

и тормозов, в духе безрассудного радикализма. Столетие спустя революция немецкой буржуазии, вспыхнувшая на полпути развития капитализма, уже была с обеих сторон стеснена противоречием интересов и равновесием сил между капиталом и трудом, и была задушена буржуазно-феодалным компромиссом, урезана до жалкого эпизода, закончившегося одними словами.

Ещё полвека — и нынешняя Российская революция стоит на той точке исторического пути, которая уже преодолела вершину, которая находится по другую сторону кульминации капиталистического общества, где буржуазные революции уже не могут быть вновь задушены антагонизмом между буржуазией и пролетариатом, а напротив, развернутся в новый продолжительный период ожесточённых социальных столкновений, где сведение счётов с абсолютизмом покажется мелочью по сравнению с множеством новых счетов, которые сама революция открывает перед собой. Настоящая революция осуществляет в частных делах абсолютистской России общие результаты международного капиталистического развития и предстает не столько как последний преемник старых буржуазных революций, сколько как предвестник новой серии пролетарских революций на Западе. Самая отсталая страна из всех, именно потому что она столь непростительно задержалась со своей буржуазной революцией, показывает пути и методы дальнейшей классовой борьбы пролетариату Германии и наиболее развитых капиталистических стран.

Соответственно, если взглянуть на это таким образом, оказывается совершенно неправым рассматривать Российскую революцию как грандиозное зрелище, как что-то исключительно «русское», и в лучшем случае восторгаться героизмом сражающихся людей, то есть смотреть на борьбу как посторонние наблюдатели. Намного важнее, чтобы немецкие рабочие научились рассматривать Российскую революцию как своё собственное дело, не просто как вопрос международной солидарности с российским пролетариатом, но прежде всего как главу своей собственной социальной и политической истории. Те лидеры профсоюзов и парламентарии, которые считают немецкий пролетариат «слишком слабым», а немецкие условия «незрелыми» для революционных массовых выступлений, очевидно, не имеют ни малейшего представления о том, что степень зрелости классовых отношений в Германии и сила пролетариата определяется вовсе не статистикой немецкого профсоюзного движения или избирательными цифрами,

а — событиями Российской революции. Точно так же, как зрелость французских классовых антагонизмов при Июльской монархии и Июньском восстании в Париже нашла своё отражение в Германской мартовской революции, в её ходе и её фиаско, так и сегодня зрелость немецких классовых антагонизмов отражается в событиях и в мощи Российской революции. И пока бюрократы немецкого рабочего движения роются в своих канцелярских ящиках в поисках сведений о своей силе и зрелости, они не видят, что то, что они ищут, лежит прямо перед их глазами в великой исторической революции, потому что, с исторической точки зрения, Российская революция есть отражение силы и зрелости международного, а значит, в первую очередь — немецкого рабочего движения.

Следовательно, было бы слишком жалким и гротескно ничтожным результатом Российской революции, если бы немецкий пролетариат извлёк из неё лишь урок — как того желают товарищи Фрёме, Эльм и другие — о применении крайней формы борьбы, массовой забастовки, и таким образом ослабил себя до уровня лишь резервной силы на случай утраты парламентского голоса, а значит, пассивного средства парламентской обороны. «Когда у нас отнимут парламентское голосование — тогда мы будем сопротивляться». Это само собой разумеющееся решение. Но для этого вовсе не нужно принимать героическую позу Дантона, как это, например, сделал товарищ Эльм в Йене; потому что защита скромной меры уже достигнутого парламентского права является меньше «небесной» новацией, для которой были необходимы ужасающие гекатомбы Российской революции как средство ободрения, чем простейшей и первой обязанностью каждой оппозиционной партии. Но чисто оборонительная тактика никогда не исчерпывает политики пролетариата в период революции. И если, с одной стороны, трудно с какой-либо достоверностью предсказать, вызвало бы уничтожение всеобщего избирательного права в Германии ситуацию, которая потребовала бы немедленного массового выступления, то с другой стороны совершенно ясно, что когда мы, в Германии, вступим в период бурных массовых действий, социал-демократам будет невозможно выстраивать свою тактику исключительно на чисто парламентской обороне.

Роль массовой забастовки в революции

Нельзя заранее установить ни причину, ни момент, из которых и с которых в Германии разразятся массовые забастовки — это вне силы социал-демократии, ибо ей не подвластно вызывать исторические ситуации постановлениями партийных съездов. Но то, что она может и должна сделать, — это прояснить политические тенденции, когда они развернутся, и сформулировать в отношении их решительную и последовательную тактику. Человек не в силах удержать исторические события в узде, сочиняя по ним рецепты, но он может заранее видеть их кажущиеся вычислимые последствия и соответственно выстраивать свой план действий.

Первая угрожающая политическая опасность, которой немецкий пролетариат занимался в течение ряда лет, — это государственный переворот реакции, который отнимет у широких масс народа самое важное политическое право — всеобщее избирательное право. Несмотря на громадное значение этого возможного события, как мы уже говорили, невозможно с уверенностью утверждать, что после переворота сразу же развернется открытое народное движение, ибо сегодня необходимо учитывать бесчисленные обстоятельства и факторы. Но если принять во внимание крайнюю остроту нынешних условий в Германии и, с другой стороны, многообразные международные последствия Русской революции и будущей обновленной России, становится ясно, что крах немецкой политики, который последует за отменой всеобщего избирательного права, не сможет сам по себе остановить борьбу за это право. Этот государственный переворот скорее повлечет за собой, через более или менее продолжительное время и с элементарной силой, великую общую политическую расправу со стороны восставшей и пробудившейся массы народа — расправу с ростовщичеством хлеба, с искусственно вызванной дороговизной мяса, с расходами на безграничный милитаризм и «флотоводство», с коррупцией колониальной политики, с национальным позором Кёнигсбергского процесса, с прекращением социальных реформ, с увольнением железнодорожных рабочих, почтовых служащих и сельскохозяйственных работников, с обманом и насмешками над шахтерами, с судебной расправой в Лобтау и всей системой классового правосудия, с жестокой системой локаутов — словом, со всей тридцатилетней тиранией объединённого господства юнкерства и крупного трестового капитала.

Роль массовой забастовки в революции

Но как только шар будет приведён в движение, социал-демократия, хочет она того или нет, уже никогда не сможет его остановить. Противники массовой забастовки привыкли отрицать, что уроки и примеры Русской революции могут быть критерием для Германии, потому что, во-первых, в России необходимо было совершить великий шаг от восточного деспотизма к современному буржуазному правовому порядку. Формальное расстояние между старым и новым политическим строем, по их мнению, является достаточным объяснением ярости и насилия революции в России. В Германии же давно существуют самые необходимые формы и гарантии конституционного государства, из чего якобы следует, что столь элементарное буйство социальных антагонизмов здесь невозможно.

Те, кто рассуждает таким образом, забывают, что в Германии, когда дело дойдёт до разразившихся открытых политических борьб, даже исторически предопределённая цель будет совершенно иной, чем в сегодняшней России. Именно потому, что буржуазный правовой порядок в Германии существует уже долгое время, потому что он успел полностью исчерпать себя и приблизиться к завершению, потому что буржуазная демократия и либерализм успели вырождаться — именно поэтому нельзя больше говорить о буржуазной революции в Германии. И потому в период открытых политических народных борьб в Германии последней исторически необходимой целью может быть лишь диктатура пролетариата. Расстояние же этой задачи от нынешних условий Германии ещё больше, чем расстояние буржуазного правового строя от восточного деспотизма, и потому задача не может быть выполнена одним ударом, но должна быть достигнута в течение долгого периода гигантских социальных борьб.

Но разве здесь нет грубого противоречия в той картине, которую мы нарисовали? С одной стороны, это значит, что в будущем, при разгорании политических массовых действий, самые отсталые слои германского пролетариата — земледельцы, железнодорожники, почтовые рабы — сначала завоюют право на объединение и что худшие уродства эксплуатации должны быть устранены прежде всего; с другой стороны, политической задачей этого периода называется завоевание власти пролетариатом! С одной стороны — экономические, профсоюзные борьбы за самые насущные интересы, за материальное поднятие

Роль массовой забастовки в революции

рабочего класса; с другой — конечная цель социальной демократии! Конечно, это великие противоречия, но они не противоречия нашего рассуждения, а противоречия капиталистического развития. Оно не идёт по красивой прямой линии, а сверкающим зигзагом. Так же, как разные капиталистические страны представляют собой самые разнообразные стадии развития, так и внутри каждой страны представлены различные слои одного и того же рабочего класса. Но история не ждёт терпеливо, пока отсталые страны и самые развитые слои объединятся, чтобы вся масса могла двигаться симметрично вперёд, как компактный колонна. Она приводит к взрыву лучшие подготовленные части, как только условия там созрели, и затем, в буре революционного периода, утраченное пространство восстанавливается, неравное уравнивается, и весь темп социального прогресса изменяется одним ударом на ускоренный двойной шаг.

Так же, как в Русской революции все стадии развития и все интересы различных слоёв рабочих соединяются в социально-демократической программе революции, а бесчисленные частные борьбы объединяются в великое общее классовое действие пролетариата, так будет и в Германии, когда созреют условия для этого. И тогда задачей социальной демократии будет регулировать свою тактику не по самым отсталым фазам развития, а по самым передовым.

Необходимость единого действия Профсоюзов и Социал-демократии

Необходимость Единого Действия Профсоюзов и Социал-демократии

Наиболее важное, чего следует ожидать от германского рабочего класса в период грядущих великих борьб, которые рано или поздно наступят, — это, после полной решительности и последовательности тактики, высшая способность к действию и, следовательно, возможнейшее единство ведущей социал-демократической части пролетарских масс. Между тем первые слабые попытки подготовки великих массовых действий вскрыли серьёзный недостаток в этом отношении: полное отделение и независимость двух организаций рабочего движения — социал-демократии и профсоюзов.

При более внимательном рассмотрении массовых забастовок в России, а также условий в самой Германии становится ясно, что любое крупное массовое действие, если оно не ограничивается одноразовой демонстрацией, а призвано быть реальным боевым действием, не может рассматриваться как так называемая «политическая массовая забастовка». В подобном действии в Германии будут вовлечены профсоюзы не меньше, чем социал-демократы. Не потому, что лидеры профсоюзов предполагают, будто социал-демократы из-за своей меньшей организации не имели бы иных ресурсов, кроме как сотрудничества с полутора миллионами профсоюзных членов и без них были бы бессильны, а по гораздо более глубокой причине: потому что каждое прямое массовое действие в период открытых классовых столкновений одновременно будет и политическим, и экономическим. Если в Германии по каким-либо причинам и в любое время наступят крупные политические борьбы, массовые забастовки, то в это время начнется эпоха бурных профсоюзных конфликтов, и события не станут останавливаться, чтобы выяснять, дали ли лидеры профсоюзов согласие на движение или нет. Будут ли они стоять в стороне или пытаться сопротивляться движению, результат их позиции будет лишь в том, что лидеры профсоюзов, как и лидеры партии в аналогичном случае, будут просто сметены потоком событий, а экономические и политические борьбы масс будут разворачиваться без них.

Необходимость единого действия Профсоюзов и Социал-демократии

На самом деле разделение политической и экономической борьбы и независимость каждой из них — это лишь искусственный продукт парламентского периода, даже если он исторически обусловлен. С одной стороны, в мирном, «нормальном» течении буржуазного общества экономическая борьба дробится на множество отдельных столкновений в каждом предприятии и растворяется в каждой отрасли производства. С другой стороны, политическая борьба не ведётся массами непосредственно в действии, а в соответствии с формой буржуазного государства, представительно, через законодательные институты. Как только начинается период революционной борьбы, то есть как только массы выходят на арену конфликта, распад экономической борьбы на множество частей, а также косвенная парламентская форма политической борьбы прекращаются; в революционном массовом действии политическая и экономическая борьба сливаются в одно, а искусственная граница между профсоюзами и социал-демократией как двумя отдельными, полностью независимыми формами рабочего движения просто сметается. Но то, что находит конкретное выражение в революционном массовом движении, находит своё выражение и в парламентский период как фактическое состояние дел. Не существует двух различных классовых борьб рабочего класса — экономической и политической — существует лишь одна классовая борьба, которая одновременно направлена на ограничение капиталистической эксплуатации внутри буржуазного общества и на отмену эксплуатации вместе с самим буржуазным обществом.

Когда эти две стороны классовой борьбы в парламентский период разделяются по техническим причинам, они не образуют двух параллельных и одновременных действий, а лишь две фазы, два этапа борьбы за освобождение рабочего класса. Профсоюзная борьба охватывает ближайшие интересы, а социал-демократическая борьба — будущие интересы рабочего движения. Коммунисты, как говорит «Манифест Коммунистической партии», представляют, в противовес различным группам интересов пролетариата в целом и на различных этапах развития классовой борьбы, интересы всего движения, то есть конечную цель — освобождение пролетариата. Профсоюзы представляют лишь групповые интересы и лишь один этап развития рабочего движения.

Необходимость единого действия Профсоюзов и Социал-демократии

Социал-демократия представляет рабочий класс и дело его освобождения в целом. Отношение профсоюзов к социал-демократии, таким образом, является частью целого, и когда среди лидеров профсоюзов теория «равного авторитета» профсоюзов и социал-демократии пользуется такой популярностью, это основано на глубоком заблуждении относительно самой сути профсоюзного движения и его роли в общей борьбе за свободу рабочего класса.

Эта теория параллельного действия социал-демократии и профсоюзов и их «равного авторитета» тем не менее не лишена оснований, но имеет свои исторические корни. Она покоится на иллюзии мирного, «нормального» периода буржуазного общества, когда политическая борьба социал-демократии кажется заключённой в парламентской борьбе. Парламентская борьба, однако, являясь аналогом профсоюзной борьбы, точно так же, как и она, ведётся исключительно на основе буржуазного общественного порядка. По своей сути она есть политическая реформаторская работа, так же как работа профсоюзов — экономическая реформаторская работа. Она представляет собой политическую работу для настоящего, так же как профсоюзы представляют экономическую работу для настоящего. Она, как и они, лишь фаза, этап развития в полном процессе классовой борьбы пролетариата, чья конечная цель так же далеко выходит за рамки парламентской борьбы, как и за рамки профсоюзной борьбы. Парламентская борьба является, в отношении политики социал-демократии, частью целого, точно так же, как работа профсоюзов. Сегодня социал-демократия объединяет парламентскую и профсоюзную борьбу в единую классовую борьбу, направленную на упразднение буржуазного общественного порядка.

Теория «равного авторитета» профсоюзов и социал-демократии также не является простым теоретическим заблуждением, не случаем путаницы, а выражением хорошо известной тенденции того оппортунистического крыла социал-демократии, которое свело политическую борьбу рабочего класса к парламентской конкуренции и стремится превратить социал-демократию из революционной пролетарской партии в мелкобуржуазную реформаторскую.[1] Если бы социал-демократия приняла теорию «равного авторитета» профсоюзов, она тем самым косвенно и молчаливо согласилась бы с той трансформацией, к которой долго стремились представители оппортунистической тенденции.

Необходимость единого действия Профсоюзов и Социал-демократии

В Германии, однако, наблюдается такое смещение отношений внутри рабочего движения, которое невозможно в какой-либо другой стране. Теоретическая концепция, согласно которой профсоюзы являются лишь частью социал-демократии, находит в Германии своё классическое выражение в факте, в действительной практике, и это в трёх направлениях. Во-первых, немецкие профсоюзы являются прямым продуктом социал-демократии; именно социал-демократия создала зародыши современного профсоюзного движения в Германии, позволила ему достичь таких огромных размеров, и именно социал-демократия до сих пор обеспечивает его лидеров и самых активных организаторов.

Во-вторых, немецкие профсоюзы являются продуктом социал-демократии и в том смысле, что социал-демократическое учение пронизывает саму душу профсоюзной практики, ибо профсоюзы обязаны своим превосходством над всеми буржуазными и конфессиональными союзами именно идее классовой борьбы; их практический успех, их сила являются следствием того обстоятельства, что их деятельность освещается теорией научного социализма и тем самым возводится над уровнем узколобого социализма. Сила «практической политики» немецких профсоюзов заключается в их понимании более глубоких социальных и экономических связей капиталистической системы; но это понимание они полностью обязаны теории научного социализма, на которой основана их практика. Рассматривая это таким образом, любая попытка освободить профсоюзы от социал-демократической теории в пользу какой-либо другой «профсоюзной теории», противоположной социал-демократии, с точки зрения самих профсоюзов и их будущего есть ничто иное, как попытка самоубийства. Отделение профсоюзной практики от теории научного социализма означало бы для немецких профсоюзов немедленную потерю всего их превосходства над всеми видами буржуазных профсоюзов и падение с нынешней высоты на уровень шаткого пробования и пустого эмпиризма.

Необходимость единого действия Профсоюзов и Социал-демократии

В-третьих и, наконец, профсоюзы, хотя их руководители постепенно забыли об этом факте, являются, даже с точки зрения численного состава, прямым продуктом социал-демократического движения и социал-демократической агитации. Правда, что во многих округах профсоюзная агитация предшествует социал-демократической, и что повсюду профсоюзная работа подготавливает почву для партийной деятельности. С точки зрения эффективности, партия и профсоюзы взаимно поддерживают друг друга в полной мере. Но если рассматривать картину классово-борьбы в Германии в целом и её более глубинные связи, пропорции значительно меняются. Многие лидеры профсоюзов имеют привычку торжественно смотреть свысока с гордой высоты своей организации, численностью в один с четвертью миллиона, на жалких организованных членов Социал-демократической партии, ещё не достигших половины миллиона, и вспоминать времена десяти-двенадцати лет назад, когда рядовые социал-демократы были пессимистично настроены относительно перспектив профсоюзного развития.

Они понимают, что между этими двумя явлениями — большим числом организованных профсоюзных членов и малым числом организованных социал-демократов — существует в известной степени прямая причинная связь. Тысячи и тысячи рабочих не вступают в партийные организации именно потому, что они вступают в профсоюзы. Согласно теории, все рабочие должны быть двойным образом организованы, посещать два вида собраний, платить двойные взносы, читать две разновидности рабочих газет и так далее. Но для этого требуется более высокий уровень интеллекта и идеализма, который, из чистого чувства долга перед рабочим движением, готов к ежедневной жертве времени и денег, и, наконец, более высокий уровень страстного интереса к реальной жизни партии, который может быть воспламенён лишь членством в партийной организации. Всё это верно для самой просвещённой и умной части социал-демократических рабочих в больших городах, где партийная жизнь полна и привлекательна, и где уровень жизни рабочих высок. Однако среди более широких слоёв рабочей массы в больших городах, а также в провинции, в средних и малых городах, где политическая жизнь не является самостоятельной, а лишь отражением хода событий в столице, где партийная жизнь бедна и монотонна, и

Необходимость единого действия Профсоюзов и Социал-демократии

где, наконец, экономический уровень жизни рабочих в основном нищенский, обеспечить такую двойную форму организации крайне трудно.

Для социал-демократически настроенного рабочего из рядов масс вопрос решается его вступлением в профсоюз. Непосредственные интересы его экономической борьбы, обусловленные самой природой этой борьбы, не могут быть продвинуты иначе, чем через членство в профсоюзной организации. Взносы, которые он платит, часто ценой значительных жертв своего уровня жизни, приносят ему немедленные, видимые результаты. Его социал-демократические наклонности, однако, позволяют ему участвовать в различного рода работе без членства в специальной партийной организации: голосуя на парламентских выборах, посещая социал-демократические публичные собрания, следя за докладами и выступлениями социал-демократов в представительных органах, читая партийную прессу. Сравните в этой связи число социал-демократических избирателей или число подписчиков на **«Vorwärts»** с числом организованных членов партии в Берлине!

И что решающе важно: социал-демократически мыслящий средний рабочий, который, как простой человек, не может постичь тонкости и хитросплетения так называемой теории «двух душ», чувствует, что он, даже в профсоюзе, социал-демократически организован. Хотя центральные комитеты союзов не имеют официальной партийной принадлежности, рабочий из рядов масс в каждом городе и местечке видит главу своего профсоюза как наиболее деятельного лидера, а тех коллег, которых он знает, также как товарищей и социал-демократов в общественной жизни — то как депутатов Рейхстага, Ландтага или местных представительных органов, то как доверенных лиц социал-демократии, членов избирательных комиссий, партийных редакторов и секретарей, или просто как ораторов и агитаторов. Более того, в агитационной работе своего профсоюза он слышит выраженные примерно те же идеи, приятные и понятные ему, о капиталистической эксплуатации, классовых отношениях и так далее, что и те, которые доносятся до него социал-демократической агитацией. И действительно, самыми любимыми и почитаемыми ораторами на профсоюзных собраниях оказываются те же самые социал-демократы.

Необходимость единого действия Профсоюзов и Социал-демократии

Таким образом, всё складывается так, что средний классово сознательный рабочий ощущает: будучи организованным в своём профсоюзе, он одновременно является членом своей рабочей партии и социал-демократически организован, и именно в этом заключается особая сила вербовки немецких профсоюзов. Не благодаря видимой нейтральности, а благодаря социал-демократической реальности их существования центральные союзы смогли достичь нынешней мощи. Это происходит просто благодаря сосуществованию различных союзов — католических, Хирш-Дункеровских и прочих — созданных буржуазными партиями, которым казалось необходимым утверждать ту самую политическую «нейтральность». Когда немецкий рабочий, имеющий полную свободу выбора — присоединиться к христианскому, католическому, евангельскому или свободомыслящему профсоюзу, — выбирает ни один из них, а «свободный профсоюз», или переходит из одного из первых к последнему, он делает это только потому, что считает центральные союзы откровенными организациями современной классовой борьбы, или, что в Германии одно и то же, что они социал-демократические профсоюзы.

Одним словом, та «нейтральность», которая существует в умах многих лидеров профсоюзов, не существует для массы организованных профсоюзников. И именно в этом заключается удача профсоюзного движения. Если бы эта кажущаяся «нейтральность» — отчуждение и разрыв профсоюзов с социал-демократией — действительно стала реальностью в глазах пролетариата, то профсоюзы немедленно утратили бы все свои преимущества перед конкурирующими буржуазными союзами, вместе с тем и свою вербовочную силу, свой живой огонь. Это убедительно подтверждается общеизвестными фактами.

Партийно-политическая «нейтральность» профсоюзов могла бы, как средство привлечения, оказать неоценимую услугу в стране, где сама социал-демократия не пользуется доверием масс, где её презрение как рабочей организации больше вредит ей в глазах масс, чем приносит пользу — где, словом, профсоюзы прежде всего должны набирать свои ряды из совершенно неосвещённой, буржуазно настроенной массы.

Лучший пример такой страны на протяжении всего прошлого века и до известной степени сегодня — Великобритания. В Германии же партийные отношения

Необходимость единого действия Профсоюзов и Социал-демократии

совершенно иные. В стране, где социал-демократия является самой сильной политической партией, где её вербовочная сила представлена армией из более чем трёх миллионов пролетариев, смешно говорить о сдерживающем эффекте социал-демократии и о необходимости боевой организации рабочих для обеспечения политической «нейтральности». Простое сравнение численности социал-демократических избирателей с числом членов профсоюзов в Германии достаточно, чтобы убедить любого, что профсоюзы в Германии не набирают свои ряды, как в Англии, из неосвещённой буржуазно настроенной массы, а из массы пролетариев, уже пробуждённых социал-демократией и увлечённых ею идеей классовой борьбы. Многие лидеры профсоюзов с возмущением отвергают эту мысль — необходимое условие «теории нейтральности» — и рассматривают профсоюзы как вербовочную школу для социал-демократии. Это, на первый взгляд, оскорбительное, но на деле крайне лестное предположение в Германии превращается в простую фантазию из-за обратного положения вещей: именно социал-демократия служит вербовочной школой для профсоюзов.

Более того, если организационная работа профсоюзов в большинстве случаев оказывается крайне трудной и хлопотной, то это, за исключением отдельных случаев и некоторых районов, связано не только с тем, что в целом почва ещё не была подготовлена социал-демократическим плугом, но и с тем, что само профсоюзное семя, и сеятель должны быть «красными», социал-демократическими, прежде чем урожай сможет пойти в рост. Но если мы сравним таким образом численность членов профсоюзов не с числом социал-демократических организаций, а — что является единственно верным — с числом социал-демократических избирателей, то придём к заключению, которое сильно отличается от общепринятого взгляда на дело. Тогда обнаруживается, что «свободные профсоюзы» на самом деле представляют сегодня лишь меньшинство классово сознательных рабочих Германии, что даже с их полутора миллионами организованных членов им пока не удалось привлечь в свои ряды и половины тех, кто уже пробуждён социал-демократией.

Главный вывод, который следует сделать из приведённых выше фактов, заключается в том, что полное единство социал-демократического и профсоюзного движения, абсолютно необходимое для предстоящих массовых

Необходимость единого действия Профсоюзов и Социал-демократии

выступлений в Германии, на самом деле существует, и оно воплощено в широкой массе, которая одновременно образует основу и социал-демократии, и профсоюзов, и в которой в сознании трудящихся обе части движения слились в единство. Претендующий на существование антагонизм между социал-демократией и профсоюзами сводится к антагонизму между социал-демократией и отдельной частью профсоюзного руководства, который, однако, одновременно является антагонизмом внутри самих профсоюзов между этой частью лидеров и пролетарскими массами, организованными в профсоюзы.

Бурный рост профсоюзного движения в Германии за последние пятнадцать лет, особенно в период большого экономического процветания с 1895 по 1900 год, принес с собой значительную самостоятельность профсоюзов, специализацию их методов борьбы и, наконец, появление регулярного профсоюзного аппарата. Все эти явления вполне понятны и представляют собой естественные исторические продукты развития профсоюзов в этот пятнадцатилетний период, а также экономического благополучия и политического спокойствия Германии. Они, хотя и неразрывно связаны с определёнными недостатками, без сомнения являются исторически необходимым злом. Но диалектика развития также влечёт за собой тот факт, что эти необходимые средства для укрепления профсоюзного движения на определённой стадии организации и при определённой зрелости условий превращаются, напротив, в препятствия для дальнейшего развития.

Специализация профессиональной деятельности в качестве профсоюзных деятелей, а также естественно ограниченный кругозор, связанный с разрозненными экономическими борьбами в мирный период, слишком легко приводит среди профсоюзных чиновников к бюрократизму и определённой узости взглядов. Обе эти тенденции проявляются в целой серии явлений, которые могут оказаться крайне судьбоносными для будущего профсоюзного движения. Прежде всего это – переоценка самой организации, которая из средства постепенно превращается в самоцель, в драгоценность, которой должны быть подчинены интересы борьбы. Отсюда же вытекает открыто признанная потребность в мире, страх перед большими рисками и предполагаемыми угрозами стабильности профсоюзов, а также переоценка самого профсоюзного метода борьбы, его перспектив и успехов.

Необходимость единого действия Профсоюзов и Социал-демократии

Лидеры профсоюзов, постоянно погружённые в экономическую партизанскую борьбу, задача которой, казалось бы, заключается в том, чтобы заставить рабочих придавать наибольшее значение малейшему экономическому успеху, каждому повышению зарплаты и сокращению рабочего дня, постепенно теряют способность видеть более широкие связи и обозревать всю ситуацию в целом. Только таким образом можно объяснить, почему многие лидеры профсоюзов с величайшим удовлетворением ссылаются на достижения последних пятнадцати лет, вместо того чтобы, напротив, подчёркивать другую сторону медали — одновременное и колоссальное снижение жизненного уровня пролетариата через земельный ростовщичество, всю налоговую и таможенную политику, жадность помещиков, которые подняли арендную плату до непомерных пределов, и, в общем, через все объективные тенденции буржуазной политики, которые во многом нейтрализовали преимущества пятнадцатилетней борьбы профсоюзов. Из всей социальной демократической истины, которая, подчёркивая важность нынешней работы и её абсолютную необходимость, придаёт главное значение критике и ограничениям этой работы, извлекается лишь «полуистина профсоюзная», которая акцентирует внимание только на положительной стороне ежедневной борьбы.

И, наконец, из сокрытия объективных границ, которые буржуазный социальный порядок накладывает на профсоюзную борьбу, возникает враждебность ко всякой теоретической критике, которая соотносит эти пределы с конечными целями рабочего движения. Льстивые похвалы и безграничный оптимизм считаются долгом каждого «друга профсоюзного движения». Но поскольку социально-демократическая позиция состоит именно в борьбе против некритического парламентского оптимизма, наконец, выстраивается фронт против социал-демократической теории: люди ищут «новую профсоюзную теорию», то есть теорию, которая открывала бы безграничные горизонты экономического прогресса для профсоюзной борьбы внутри капиталистической системы, в противовес социал-демократической доктрине. Такая теория действительно существовала некоторое время — теория профессора Зомбарта, которая была распространена с явным намерением вбить клин между

Необходимость единого действия Профсоюзов и Социал-демократии

профсоюзами и социал-демократией в Германии и привлечь профсоюзы на буржуазную позицию.

В тесной связи с этими теоретическими тенденциями возникает и революция руководителей и рядовых членов. Вместо руководства коллег через местные комитеты, с их признанной недостаточностью, появляется деловое руководство профсоюзными чиновниками. Инициатива и власть принятия решений тем самым переходят, так сказать, к профсоюзным специалистам, а пассивная добродетель дисциплины — к массам членов. Эта тёмная сторона чиновничества, несомненно, скрывает значительные опасности для партии, поскольку из последнего нововведения — института местных партийных секретарей — может довольно легко вытекать, если социал-демократическая масса не будет осторожна, что эти секретариаты останутся лишь органами для исполнения решений и ни в коем случае не будут рассматриваться как назначенные носители инициативы и руководства местной партийной жизни. Но по своей природе, по характеру политической борьбы, границы бюрократизма в социал-демократии, как и в профсоюзной жизни, остаются узкими.

Но здесь техническая специализация борьбы за заработную плату — например, заключение сложных тарифных соглашений и тому подобное — часто означает, что масса организованных рабочих лишается возможности «обзорно охватить всю промышленную жизнь», и тем самым закрепляется их неспособность принимать самостоятельные решения. Следствием такого подхода является аргумент, с помощью которого всякая теоретическая критика перспектив и возможностей профсоюзной практики объявляется табу и якобы представляет опасность для благочестивого профсоюзного чувства масс. Из этого выработалась точка зрения, согласно которой рабочие массы можно привлечь и удержать в организации лишь слепой, детской верой в эффективность профсоюзной борьбы. В противоположность социал-демократии, которая основывает своё влияние на единстве масс среди противоречий существующего порядка и в сложном характере их развития, а также на критическом отношении масс ко всем факторам и стадиям собственной классовой борьбы, влияние и власть профсоюзов зиждется на перевёрнутой теории неспособности масс к критике и принятию решений. «Вера народа должна сохраняться» — вот основной принцип,

Необходимость единого действия Профсоюзов и Социал-демократии

которым руководствуются многие профсоюзные чиновники, объявляя любую критику объективной недостаточности профсоюзного движения попыткой покушения на жизнь этого движения.

И, наконец, результатом всей этой специализации и бюрократизма среди профсоюзных чиновников становится большая независимость и «нейтралитет» профсоюзов по отношению к социал-демократии. Крайняя независимость профсоюзной организации есть естественное следствие её роста, как отношения, возникшего из технического разделения труда между политической и профсоюзной формами борьбы. «Нейтралитет» германских профсоюзов, со своей стороны, возник как продукт реакционного профсоюзного законодательства прусско-германского полицейского государства. Со временем оба этих аспекта их природы изменились. Из состояния политической «нейтральности», навязанной профсоюзам полицией, выработалась теория их добровольного нейтралитета, представляемого как необходимость, основанная на якобы присущей самой профсоюзной борьбе природе. А техническая независимость профсоюзов, которая должна была опираться на разделение труда в единой социал-демократической классовой борьбе, — отделение профсоюзов от социал-демократии, от её взглядов и руководства — превратилась в так называемый равный авторитет профсоюзов и социал-демократии.

Внешне разделение и равенство между профсоюзами и социал-демократией воплощено главным образом в лице профсоюзных чиновников и укреплено через управленческий аппарат профсоюзов. Снаружи, благодаря наличию полного штата профсоюзных чиновников, полностью независимого центрального комитета, многочисленной профессиональной прессы и, наконец, профсоюзного съезда, создаётся иллюзия точного параллелизма с управляющим аппаратом социал-демократии — партийным исполнительным комитетом, партийной прессой и партийной конференцией. Эта иллюзия равенства между социал-демократией и профсоюзами привела, среди прочего, к монструозному зрелищу, когда частично на аналогичных повестках обсуждаются вопросы как на социал-демократических конференциях, так и на профсоюзных съездах, и по одним и тем же вопросам принимаются разные, а порой диаметрально противоположные решения. Из естественного разделения функций между

Необходимость единого действия Профсоюзов и Социал-демократии

партийной конференцией (которая представляет общие интересы и задачи рабочего движения) и профсоюзным съездом (который занимается гораздо более узкой сферой социальных вопросов и интересов) возникло искусственное разделение на мнимый профсоюзный и социал-демократический взгляд в отношении одних и тех же общих вопросов и интересов рабочего движения.

Таким образом, возникло особое положение: то же самое профсоюзное движение, которое внизу, среди широких масс пролетариата, абсолютно едино с социал-демократией, резко отделяется от неё наверху, в надстройке управления, и ставит себя в положение самостоятельной великой силы. Германское рабочее движение, таким образом, принимает особую форму двойной пирамиды, основание и тело которой состоят из одной сплочённой массы, а вершины разнесены широко.

Из этого изложения ясно, каким образом может быть достигнута естественным и успешным образом та компактная единство германского рабочего движения, которое, с учётом грядущих политических классовых борьб и специфических интересов дальнейшего развития профсоюзов, является абсолютно необходимым. Ничто не могло бы быть более извращённым или безнадёжным, чем стремление достичь желаемого единства с помощью спорадических и периодических переговоров по отдельным вопросам, касающимся рабочего движения, между руководством Социал-демократической партии и центральными комитетами профсоюзов. Именно высшие круги обеих форм рабочего движения, как мы видели, воплощают своё разделение и самодостаточность, и именно они, следовательно, являются создателями иллюзии «равной власти» и параллельного существования социал-демократии и профсоюзного движения.

Стремление к единству через слияние партийного руководства и генеральной комиссии — это желание построить мост в самом месте, где расстояние наибольшее и переход наиболее труден. Не сверху, среди руководителей ведущих директивных организаций и их федеративного союза, а снизу, среди организованных пролетарских масс, лежит гарантия подлинного единства рабочего движения. В сознании миллионов профсоюзных членов партия и

Необходимость единого действия Профсоюзов и Социал-демократии

профсоюзы фактически едины; они представляют в разных формах социал-демократическую борьбу за освобождение пролетариата.

Отсюда автоматически возникает необходимость устранения любых причин трений, которые возникли между социал-демократией и частью профсоюзов, и приведения их взаимных отношений в соответствие с сознанием пролетарских масс, то есть возвращения профсоюзов к социал-демократии. Тем самым будет выражён синтез реального развития, которое привело от первоначального включения профсоюзов до их отделения от социал-демократии, и путь будет подготовлен для грядущего периода великих пролетарских массовых борьб: во время интенсивного роста как профсоюзов, так и социал-демократии их воссоединение станет необходимостью в интересах обоих.

Речь, разумеется, не идёт о слиянии профсоюзной организации с партией, а о восстановлении единства социал-демократии и профсоюзов, соответствующего реальному соотношению между рабочим движением в целом и его частным профсоюзным выражением. Такая “революция” неизбежно вызовет энергичное сопротивление со стороны части профсоюзного руководства. Но настало время, чтобы рабочие массы социал-демократии научились проявлять свою способность к решению и действию, и тем самым продемонстрировали свою зрелость к тем великим борьбам и великим задачам, в которых они, массы, будут настоящим хором, а руководящие органы лишь будут исполнять “говорящие роли”, то есть только интерпретировать волю масс.

Профсоюзное движение — это не то, что отражено в вполне понятной, но иррациональной иллюзии меньшинства профсоюзных лидеров, а то, что живёт в сознании массы пролетариев, привлечённых к классовой борьбе. В этом сознании профсоюзное движение является частью социал-демократии. «И что оно есть, пусть оно осмелится явиться».

Сноска

«Поскольку существование такой тенденции внутри немецкой социал-демократии обычно отрицается, следует быть благодарным за откровенность, с которой оппортунистское направление недавно сформулировало свои реальные цели и желания. На партийном собрании в Майнце 10 сентября 1909 года была принята следующая резолюция, предложенная доктором Давидом.»

«Поскольку Социал-демократическая партия понимает термин „революция“ не как насильственный переворот, а в мирном смысле развития, то есть постепенного осуществления нового экономического принципа, публичное партийное собрание в Майнце отвергает всякого рода революционный романтизм.»

«Собрание рассматривает завоевание политической власти лишь как привлечение большинства населения к идеям и требованиям социал-демократии; завоевание, которое не может быть достигнуто насилием, а только революционизированием сознания через интеллектуальную пропаганду и практическую реформаторскую работу во всех сферах политической, экономической и социальной жизни.»

«Убеждённое в том, что социал-демократия развивается гораздо лучше, используя законные средства, чем полагаясь на незаконные методы и революцию, собрание отвергает „прямое массовое действие“ как тактический принцип и твёрдо придерживается принципа „парламентских реформаторских действий“, то есть желает, чтобы партия в будущем, как и в прошлом, искренне стремилась достигать своих целей через законодательство и постепенное организационное развитие.»

«Необходимым условием этого реформаторского метода борьбы является то, чтобы возможность участия лишённых средств к существованию масс народа в законодательстве империи и отдельных земель не уменьшалась, а расширялась максимально. По этой причине собрание провозглашает неоспоримым правом рабочего класса временно приостанавливать свой труд для отражения нападков на свои законные права и для завоевания новых прав, когда все другие средства оказываются безуспешными.»

«Но поскольку политическая массовая забастовка может быть успешно проведена лишь при строгом соблюдении законных пределов и если забастовщики не дают властям разумного повода для применения вооружённой силы, собрание видит единственную необходимую и реальную подготовку к применению этого метода борьбы в дальнейшем расширении политических, профсоюзных и кооперативных организаций. Лишь таким образом могут быть созданы условия среди широких масс населения, которые гарантируют успешное проведение массовой забастовки: сознательная дисциплина и достаточная экономическая поддержка.»

Эпилог перевода

Данный перевод книги *«Массовая стачка, политическая партия и профсоюзы»*, написанной Розой Люксембург, выполнен организацией **Красный Революционный Фронт** в рамках проекта **Библиотека Революционера**.

Работа над переводом преследовала цель сделать тексты великой революционерки доступными для современного русского читателя, сохранив при этом точность и дух оригинала. Книга Розы Люксембург, как одна из ключевых работ в марксистской теории массовых действий, остаётся актуальной и сегодня, предлагая глубокий анализ природы классовой борьбы, роли масс и организации рабочего движения.

Перевод был подготовлен с учётом исторической и политической специфики времени, в которое жила и творила Люксембург, и стремился передать её мысли максимально близко к оригинальному смыслу. Особое внимание уделялось точности передачи терминологии и понятий, связанных с социал-демократическим движением и профсоюзной организацией в начале XX века.

Мы надеемся, что этот перевод послужит полезным источником для изучения истории рабочего движения, марксистской теории и практики массовых действий, а также вдохновит новых читателей на глубокое понимание борьбы за социальную справедливость и освобождение трудящихся

*Свобода всегда и исключительно — это свобода того, кто
мыслит иначе.*